

Драконий подарок

Автор:

Юлия Ляпина

Драконий подарок

Юлия Ляпина

Все юные девушки мечтают быть сказочной принцессой, невестой в белом платье или возлюбленной...

А вот мечтает ли кто-нибудь из них оказаться подарком для огнедышащего дракона?

Сможет ли девушка из нашего мира смириться с понятием, что женщина – вещь, принадлежащая мужчине?

Непростая судьба попаданки Марины нашедшей любовь и потерявшей ее на вершинах власти.

Юлия Ляпина

Драконий подарок

Часть 1

Пролог

Я грустно стояла у окна и смотрела на хлещущий в толстое зеленоватое стекло дождь. В жизни всегда есть варианты – так любил приговаривать мой папа, в очередной раз меняя работу. Мама недовольно кривила губы и вновь раскладывала на столе планы, тетради и отчеты.

Папа у меня красавец – высокий, стройный, голубоглазый блондин с обаятельной улыбкой и легким характером. У него множество приятелей и знакомых, а еще самая крутая машина в нашем дворе – КАМАЗ!

Мама полная противоположность папе – невысокая среднего сложения брюнетка, она работает учителем младших классов в школе и часто надевает очки или прищуривает карие глаза, и тогда кажется, что она смеется.

Я очень люблю своих родителей, но теперь они от меня далеко. Получив хорошенький пинок по ребрам, я поспешила лечь – так легче, и почти не кружится голова.

Глава 1

Марина

«Мама, – я всхлипнула, – только не реветь! В жизни всегда есть варианты!» Но слезы продолжали упрямо катиться по щекам, вот и волосы у лица уже намокли и прилипли к шее – зябко, сидеть нельзя, совсем раскисну.

Еще десять минут назад я шла из школы и размышляла, что надеть на день рождения к подружке Юльке, а теперь сижу в лесу и рыдаю, как первоклашка, забывшая дома сменку. И что меня дернуло подобрать странную блестящую завитушку, упавшую под ноги?

Ладно, слезами делу не поможешь, да и холодает. Здесь, похоже, вечер уже, а пропала я из жаркого майского дня и теперь щеголяла в коротких белых шортах и модном блестящем топике. Счастье, что комаров нет, хотя и странно: деревья

вокруг высокие, широколиственные – а комаров нет.

Утерев слезы и попив воды из маленькой бутылочки, я попыталась рассмотреть, куда мне идти, но вокруг был сплошной лес. Эх, и как прикажете выбирать направление? Подумав, решила просто прислушаться, покрутилась на месте с закрытыми глазами и различила где-то вдалеке ритмичное постукивание – может, железная дорога? Сделав несколько шагов, остановилась и с сомнением посмотрела на обувь – модные пластиковые шлепки, привезенные тетей в подарок из Турции, выглядели несерьезно. Придется идти осторожно, тонкие прозрачные ремешки рывков и сучков не выдержат.

Сколько я шла – не знаю, сначала согрелась на ходу и даже слегка вспотела, а потом начала мерзнуть сильнее, но ритмичный стук приближался. Наконец, между деревьями замелькали просветы, и вскоре я выбралась на большую поляну и остановилась в изумлении. Трава на поляне была вытоптана, на деревьях висели деревянные мишени и грубые мешки, а между ними на высоком рыве носился парень чуть старше меня, размахивая коротким копьем.

Виконт Жан Валер Диол

Еще один день; утром псарь принес щенков – оценилась красавица борзая, подаренная в прошлом году отцом. Спрашивал, не хочу ли я выбрать щенка для покоев. Руки зачесались потискать мягкие белые и бежевые комочки, но нельзя. Сил заговорить не было, только отрицательно кивнул и отвернулся к окну.

Позже пришел главный конюх – прибыли жеребята, подарок дяди к совершеннолетию, тоже предложил выбрать коня для себя, чтобы тренировать не для скачек, а для выезда. С трудом удержался, чтобы не выбежать к корду, лишь взглянул из окна и оставил выбор на его усмотрение. Нельзя, нельзя привязываться ни к людям, ни к животным, ни к вещам. Через месяц прилетит Ролленквист и снова попытается выбрать себе подарок.

Рассердившись на себя за тревожное ожидание, я решил поехать в лес, там давно оборудовали тренировочную площадку, и можно было спустить пар и забыть о предсказании.

Марина

– Добрый вечер!

Услышав мой голос, парень едва не упал – копые застряло в мишени, и равновесие попыталось сбежать вместе с лошадьё. Но, видимо, он неплохо умел управлять этой огромной скотиной – что-то крикнул и свободной рукой натянул поводья. Я благоразумно ближе не подходила, мало ли что лошади в голову взбредет? Парень посмотрел на меня и подъехал ближе:

– Что вы тут делаете, леди?

Эх, где мое хорошее воспитание? Сколько мама пыталась втиснуть в мою голову что-нибудь посерьезнее детского лепета?

– Я заблудилась.

И все, лучше помолчу, парень одет явно во что-то историческое, лошадь жарко дышит и перебирает стройными ногами – ролевики? Или кино снимают? А где же камеры? Голова кругом, главное – не упасть!

– Если леди не против, я могу предложить переночевать в моем доме – скоро стемнеет, и отыскать дорогу домой вам будет сложно.

Срочно вспоминаем исторические фильмы, обожаемые мамой!

– Благодарю вас, сударь, – слегка приседаю, наклонив голову, и вновь поднимаю на парня глаза. Он, развернув лошадь, боком протягивает мне руку:

– Прошу вас, леди!

И как я на эту зверюгу карабкаться буду?

Пока я раздумывала, парень одним плавным движением затянул меня себе за спину. Ой! Лошадь сразу пошла! И я, зажмурив глаза, вцепилась в одежду спокойно сидящего впереди всадника. Тропинка вела вниз, и меня бросало в разные стороны, но преимущественно вперед. От смущения я краснела и вскоре даже согрелась. А от него вкусно пахнет, чем-то теплым и пряным, но не резким.

– Сейчас появится мой дом, миледи, – чуть повернув голову, спокойно сказал парень.

Я к этому времени глаза уже открыла и попыталась посмотреть вперед через его плечо – не получилось: новый знакомый, оказывается, гораздо выше меня.

Наконец, тропа закончилась, и мы свернули на широкую дорогу, мощенную огромными плитами. Деревья разбежались к самому краю дороги и тихонько шелестели листвой. Постепенно все ближе стали доноситься голоса, звон колокола и ржание коней. Вот резко пахнуло дымом и конюшной, еще минута – и мы на широкой площадке, выложенной теми же плитами. Конь развернулся, и тут я увидела дом и ахнула. Это дом?!

Тепло-янтарные стены, белые ставни и высокие двери. Два ряда окон и очаровательные балкончики. А перед крыльцом лужайка, обсаженная кустами и клумбами. Вдоль широкой мощеной дорожки вазоны с хризантемами – здесь, похоже, осень. Парень вновь протянул руку и спустил меня на дорожку, а потом спешил сам. Тут же подбежал мальчишка в короткой куртке и обтрепанных штанах, подхватил повод и повел коня куда-то за деревья.

– Прошу вас, миледи.

Я посмотрела на предложенную руку и, вспомнив надоевший в танцевальном кружке полонез, осторожно положила кисть сверху. Кажется, все верно, мы неторопливо подошли к дому и вошли внутрь. У двери поджидал молодой парень в бархатной куртке и смешных башмаках с длинными носами.

– Симон, у нас гости, вели приготовить для леди комнату и платье.

Парень тотчас убежал, а меня начала колотить дрожь, на розыгрыш это все совсем не походило. В доме было тепло и вкусно пахло пирогами, под ногами блеснул каменный пол, вокруг на стенах висели мечи и арбалеты, еще выше таранилась кабанья голова с клыками толщиной в палец и огромные олени рога, к счастью, без хозяина.

Откуда-то появилась невысокая женщина в интересном многослойном платье из плотной ткани и чепчике. Присела с поклоном перед нами:

– Что угодно, милорд?

– Марта, проводи леди умыться в южные комнаты и через час подавайте обед.

Женщина еще раз присела и пригласила меня жестом двигаться вверх по лестнице. Я шла и крутила головой – вдоль ступеней висели портреты: дамы и кавалеры в роскошных одеждах с наивными розами и длинными мечами, дети в длинных кружевных платьицах; засмотревшись, чуть не упала, но была поймана за руку молчаливой спутницей и благополучно доставлена в комнаты.

Первая – большая, очень светлая и красивая – выходила окнами в сад, деревьягнулись под тяжестью плодов, дорожки уже усыпала листва, и поднявшийся ветер гонял ее между еще зеленых клумб.

Вторая – спальня с широкой кроватью под тюлевым балдахином. И третья оказалась гардеробной и ванной одновременно. Марта указала мне мягкую скамеечку и тут же дернула длинный витой шнур, свисавший в уголке. Прибежавшей девушке моих лет было велено принести с кухни горячей воды и ароматное мыло. А сама женщина принялась растапливать камин, красиво отделанный диким камнем.

Меня оставили в покое, и я задумалась, все вокруг кажется таким настоящим! Потрогала скамеечку – обычный тканый гобелен, у бабушки был диван, обтянутый чем-то похожим, только тут нити шершавые и немного колют ладонь; стены закрыты высокими панелями светлого дерева, а выше толстая ткань, похожая на старое папино пальто, только зеленая. И нигде ни кусочка пластика, никаких кнопок, лампочек или приборов, так я в прошлом? А какая эпоха? Или все же розыгрыш? Я слышала, сейчас есть люди, которые увлеченно воссоздают определенную эпоху, используя аутентичные материалы и оборудование.

Наверное, легче всего будет поискать сравнения в одежде; в оружии и архитектуре я не разбираюсь, да и загородные поместья часто строились не одно поколение. Скосила глаза на Марту, раскладывающую перед огнем простыни и полотенца: серое платье с рукавами узкими у запястья и широкими у плеча, круглый вырез, в котором виднеется белый край сорочки, вышитый голубыми нитками. Юбка простая круглая, корсета, кажется, нет, есть широкий пояс, затянутый сзади, на ногах остроносые туфельки на шнуровке и аккуратный полотняный чепчик на макушке. И к какому периоду это можно

отнести?

Вздыхнув, сосредоточилась на окружающем – два крупных мужика уже принесли деревянные ведра с кипятком, опрокинули их в выдвинутую из-за ширмы бадью и ушли снова. Марта застелила бадью простыней и принялась расставлять на табурете горшочки и порошочки, полежать в горячей водичке очень захотелось: наверное, из-за усталости и волнения меня снова заколотило. Женщина это заметила и щедро сыпнула в воду сухую травку из мешочка.

Виконт

Тренировался я до сумерек. Хорошо, что отец внял моей просьбе и отправил меня сюда, этот дом очень любила мама, и все тут напоминало о ней. А еще о той истории знакомства с Ролленквистом, потому что случилась она в этих лесах. Рассердившись, я размахнулся дротиком, обозначая удар, и замер, услышав:

– Добрый вечер!

На опушке стояла девушка – почти обнаженная, с кудрявыми волосами до талии и смотрела на меня изумрудными глазами. Дротик увяз в мишени, а конь, выбранный на конюшне наугад, двинулся дальше, пришлось натягивать поводья и вытаскивать оружие, стараясь не выпускать незнакомку из вида. Кто она такая, откуда взялась? Может быть, русалка? Или одно из порождений болот? Но ее одежда – даже распутные девки в столице не позволяли себе появляться в таких одеяниях на улице, а эта девушка ведет себя свободно. Проверим? Сделав книксен, она заговорила приятным голосом, совершенно чисто, речь не простолюдинки, но леди. И взгляд – немного робкий, но спокойный.

Что ж, приглашу ее в дом, на входе стоят охранные амулеты, подарок Ролленквиста – ни одно магическое существо, кроме драконов, не сможет войти, и кроме того, будет видна суть любого предмета или существа. Помнится, отцу очень понравились эти амулеты – ни один пропитанный ядом предмет в дом больше не попадал, да и подарки с подвохом в виде наговоренных волос или птичьих костей тоже не проникали.

Отгнав сомнения, я собирался усадить девушку в седло, но она устроилась за спиной и всю дорогу мучила меня ощущением горячего тела, раз за разом

прижимавшегося ко мне. Я прислушивался к каждому движению – попытается вынуть оружие или причинить вред – защитный амулет оттолкнет ее и щелкнет искрами, и все равно осторожность не повредит.

Вот и подъездная аллея, что же она так ерзает? Хочет сбежать? Лучше отпустить ее и не смущать слуг. Но она не убежала, дождалась, пока я спешусь, оперлась на предложенную руку и плавно, словно скользя, проследовала в дом; амулеты остались неподвижными, и сама девушка не изменилась. К счастью, нас встречали, и я смог поручить ее заботам экономки, а сам укрылся в своей спальне.

Марина

В ванной я так расслабилась, что едва не уснула, выбираться не хотелось, но Марта быстро вымыла мне голову и, растерев тело тряпочкой с жидким мылом из горшочка, усадила, завернув в простыню, у огня расчесывать волосы. Девушка в многослойном чепчике, следящая за опустошением ванны, вынула из шкафа тонкую сорочку, вышитую по вороту зелеными листочками и розовыми бутонами, и разложила на скамье, рядом по знаку Марты легло светло-желтое платье и более плотное зеленое. Мои вещи, включая белье и сумку с учебниками, Марта лично завернула в тряпку и спрятала на дно шкафа, приговаривая, что все будет на месте, но слугам такие вещи лучше не видеть.

Одевали меня дружно и быстро, сама бы я точно не справилась с такой тяжелой тканью и длинными подолами. Сорочка была без рукавов, а узкие рукава нижнего платья крепились шнуровкой к плечам сорочки, верхнее платье было скорее накидкой, скрепленной полдюжиной заколок.

Расчесанные гребнем волосы оставили распущенными, украсив обручем с чеканными розами – красиво; жаль, зеркальце маленькое, и рассмотреть можно было только глаза и нос.

Решив, что я собой уже налюбовалась, меня торжественно проводили на первый этаж – в столовую. Парень был уже там, сидел в широченном деревянном кресле, похожем на трон, и задумчиво смотрел в огонь. Увидев меня, тут же вскочил и, подойдя, изящно поклонился:

- Прошу прощения, леди, вы не представились.

- Вы тоже.

- Жан-Валер Диол, виконт. Можете называть меня просто Жан.

- Марина Александровна Ключева.

Парень подождал, но титул я придумывать не стала, только добавила:

- Бабушка хотела назвать меня Марианной, а папа Марией, вот мама и выбрала нечто среднее.

- А что означает ваше имя?

- Марина значит «морская».

- Морская? Поблизости нет моря!

Пришлось последовать совету из 'Фейсбука' – улыбнулась и поправила заколку на плече за неимением лифчика. К счастью, в этот момент распахнулась дверь, и Марта внесла поднос с кусками мяса, и парень – то есть Жан – переключился на еду.

С питанием тоже возникли сложности: ножи и вилки были, но не очень удобные – витые ручки, заостренное лезвие и всего два зубца на вилке; к счастью, ложка была почти привычной формы.

Гуляя по лесу, я, оказывается, проголодалась, а потому, не отвлекаясь, уложила на колени салфетку и принялась за еду и лишь через несколько минут заметила, что виконт так и сидит над полной тарелкой. Заметив мой взгляд, он тоже взял в руки приборы:

- Не обращайтесь на меня внимания, миледи, я просто долгое время живу один и отвык от присутствия за столом очаровательных дам.

Мысленно пожав плечами, я продолжила ужин. Когда мясо было почти съедено, Жан потянулся к блестящему металлическому кувшину и налил мне в металлический же бокал чего-то красного:

- Попробуйте, миледи.

- Жан, я не пью.

Парень посмотрел на меня удивленно.

- Мне нельзя спиртное, мама не разрешает.

- Спиртное?

- Вино нельзя.

- Это ягодный морс, Марта отлично его готовит.

Морс оказался вкусным, кисленьким и немножко шипучим, после мяса и хлеба принесли сладкую кашу, которую я есть не стала: с детства не люблю! А вот малюсеньких пирожков с яблоками съела парочку, и довольная отодвинула тарелку.

- Вы насытились, миледи?

- Да, милорд, благодарю, все было очень вкусно, передайте мои похвалы повару.

- Я живу уединенно, поэтому готовит для меня Марта.

- Спасибо, Марта, ужин был очень вкусным.

Виконт помог мне подняться со стула и проводил к камину.

- Расскажите мне, миледи, как вы попали в наш лес?

– Боюсь, вы мне не поверите, милорд. Кажется, я пришла из другого времени или даже мира...

Виконт

Мы проговорили три часа, леди Марина рассказывала мне о своем мире, о том, как она попала сюда, а я слушал ее голос, любовался движениями рук и думал о том, что я уже больше года живу здесь один, скрываясь от мира, и, кажется, многое теряю. А потом леди заплакала, и я, забыв все приличия, прижал ее к себе и долго вдыхал аромат ее волос. Услышав рыдания, пришла Марта и напоила девушку успокоительным отваром, а потом мы вместе отвели гостью в ее покои.

Сгустилась ночь. Я вернулся к себе и вновь бесцельно бродил по покоям, перебирал стопки книг и искал сведения о пришедших из других миров. Оказалось, что упоминания о таких людях и нелюдях есть. Но если всевозможных духов и демонов старались скорее вернуть в их миры, то люди чаще всего оседали у нас, делились знаниями или напротив – учились. Иногда и люди уходили в свои миры, но об этом было написано смутно и кратко.

Впечатленный всем прочитанным я сумел забыться сном только тогда, когда над лесом появилась тонкая бледная полоска рассвета. Но перед внутренним взором ветер продолжал раскачивать грустные изумрудные глаза и светлые локоны.

Глава 2

Марина

Спала я долго, постель оказалась такой мягкой и объемной, что к утру я запуталась в перине, как в пушистом облаке. Проснулась от странного стука – оказалось, это ветка груши с некрупными еще зелеными плодами стучит в окно. Будто ощутив, что я проснулась, в комнату вошла вчерашняя девушка в многослойном чепчике и, отворив окно, приблизилась ко мне с длинным полотняным халатом. Судя по жесткости ткани халат был совсем новым, милые

ромашки и колокольчики качались на нежно-зеленом фоне, для ситца ткань была слишком толстой, да и узор оказался не напечатанным, а нарисованным умелой рукой.

Позволив помочь себе одеться, я спросонок побрела в ванную, со смешком вспоминая наш дачный 'домик уединения', здесь все было обставлено помпезно, но по сути сводилось к тому же ночному горшку.

Потом я умылась из небольшого беленького тазика теплой водой и задумалась о завтраке, хорошо бы съесть яблоко! После толченого мела зубы поскрипывали, но порошок не был ароматизирован мятой, и ощущения свежести не хватало.

Тем временем девушка разложила на сундуке симпатичное платье более простого фасона, чем вчерашнее, и уже ждала меня с расческой у небольшого столика. Расчесывать мои кудряшки то еще удовольствие, но она справилась, бережно разобрала волосы на пряди и аккуратно подхватила всю массу атласной лентой вместо обруча.

К завтраку я спустилась почти спокойно, в утренних лучах дом казался еще более красивым, Перила мягко сияли темным янтарем, потертые ступени прятались под аккуратной дорожкой, а портреты, казалось, улыбались вслед.

Виконт еще спал, и Марта спросила меня, буду ли я завтракать. Я пожалала плечами, с утра есть не хотелось. Понятливая экономка сказала, что завтрак будет через час, а пока можно сходить посмотреть щенков на псарне или жеребят в конюшне. Я поблагодарила и пошла к двери, а девушка в чепчике понеслась за мной. У двери она подала мне плащ с капюшоном и сама закуталась в большой серый платок.

Мы вышли и тут же прикрыли глаза от порывов холодного ветра.

– Миледи, куда вы хотите?

Я задумалась – в конюшне тепло, но лошади такие огромные меня пугают, а вот собаки...

– Идем к щенкам!

Виконт

Просыпался я тяжело, медленно. Странный звук словно царапал голову изнутри. Разлепив веки и путаясь в полах длинной рубашки, подошел к окну и раздвинул темные занавеси, звук усилился, стал громче, и тут прямо на лужайку под окнами выбежала юная леди. Капюшон плаща свалился, лицо покраснелось от бега, глаза блестят, розовые губы смеются, а вокруг нее скачут щенки. Остановившись отдышаться, леди Ма-ри-на поправила сбившийся плащ и, засмотревшись на золотую листву деревьев, подняла взгляд к моему окну. Я отпрянул – нехорошо подсматривать за леди. И тут же лихорадочно начал одеваться, вспомнил, как мама любила гулять – иногда с корзинкой для трав или ягод, но чаще просто так; как возвращалась полная свежих лесных запахов, с холодными щеками и счастливой улыбкой...

Тряхнув головой, поспешил затянуть ремни и застегнуть камзол. Пора завтракать!

* * *

Виконт спустился в холл как раз тогда, когда Марина вошла в распахнутую служанкой дверь. Вошла, улыбаясь, покрасневшись и сияя золотистыми отблесками осеннего солнца от букета разноцветных листьев, зажатого в руках:

– Жан! Доброе утро! Сегодня чудесное солнце, я гуляла, а еще Сара показала мне псарню.

Жан не выдержал и улыбнулся:

– Миледи, доброе утро! Вы еще не голодны? Кажется, Марта накрывает завтрак.

– Спасибо, я только умоюсь с прогулки.

– Буду ждать вас в столовой.

Экономка, осторожно выглядывающая из столовой, прислушивалась к разговору с удивлением – уже год, как молодой наследник вернулся из столицы, и до сих

пор он вел жизнь настоящего отшельника – забывал обедать, рассеяно распорядился по хозяйству, а чаще оставлял все заботы на ее усмотрение. И никакие просьбы, и уговоры графа не смогли заставить его вернуться.

После смерти графини три года назад виконт пустился во все тяжкие – гулянки до рассвета, сумасшедшие пари, охота и женщины. Даже до этого отдаленного поместья докатывались слухи о выходках молодого хозяина. Граф боялся потерять единственного и любимого сына, просил остановиться, ограничил содержание, но Жан-Валер словно с цепи сорвался, стараясь забыть боль потери, и продолжал разрушать все вокруг.

Так прошел год, а потом виконт привез в любимое поместье матери большую компанию: дамы в ярких амазонках, кавалеры в шляпах с напышнейшими плюмажами, слуги, конюхи, псари. Шум и гам стоял и во дворе, и в доме, молоденькие служанки прятались на кухне, а конюхи, напротив, старались услужить дамам – подсадить в седло и вдохнуть аромат крепких духов.

Игры, танцы, прогулки, развлечения тянулись без конца. Специально приглашенные комедианты давали представления, на лужайках устраивались игры и соревнования, а в уютных гротах сада то и дело скрывались парочки.

Наконец, утомившись шумной компанией, виконт выехал на прогулку один и пропал.

Сначала всех позабавило отсутствие хозяина дома за завтраком, гости, смеясь, делали предположения, в каком именно стогу заблудился виконт и с кем. Дамы кокетливо закатывали глазки и встречали очередную претендентку, входящую в столовую, веселым смехом.

Когда Жан-Валер не появился к обеду, экономка отправила шустрого мальчишку в деревню, поспрашивать, не видали ли виконта, но все было тихо. К вечеру шутки стали натянутыми, а к утру гости засобирались домой.

Лесники, ведущие поиски, доложили о большой стае волков, обнаруженной в дальнем лесу, и дамы предпочли вернуться к развлечениям столицы, а кавалеры непременно должны были их сопровождать. Поместье опустело.

А через три дня, когда граф, срочно вызванный курьером из столицы, принимал отчеты от егерей и лесорубов, в двери постучали. Марта сама выскочила в холл, утирая заплаканные глаза и все же не теряя надежды. Высоченный золотоглазый мужчина держал на руках бессознательного виконта.

– Доброго дня, хозяйюшка, покажите, где кровать.

Всплеснув руками, Марта побежала, открывая двери, к спальне виконта, а граф, вышедший на шум из кабинета, остановился и с ужасом смотрел на бледное лицо и запекшиеся до кровавой коросты губы сына.

Незнакомец уложил юношу на постель и велел приготовить ванну. Испуганному графу, вбежавшему в спальню; он сказал, что все будет хорошо, он успел вовремя, но нужна будет вода и некоторые травы.

Оказалось, что виконт угодил в овраг, расположенный буквально в паре лиг от дома. Конь сломал шею и придавил юношу собой, удар головой довершил неприятности; пролежав на земле ночь, Жан не сумел сам выбраться из-под туши, а потом просто впал в беспамятство.

– Я нашел его случайно, искал траву, которая растет в полумраке, и забрел в ваш овраг, – пояснил незнакомец, ловко вливая виконту по каплям целебные отвары.

Через неделю виконт мог, осторожно прихрамывая, передвигаться по дому, а еще через месяц оправился настолько, что живущий все это время в доме спаситель рассказал, кто он и что потребует за свое спасение:

– Я дракон, мой род живет в этих краях много лет, и прости, что солгал твоему отцу – я не искал траву, я охотился и почуял запах падали.

– Дракон? Самый настоящий? – изумленный виконт даже улыбнулся, думая, что собеседник шутит.

– Настоящий, но превращаться сейчас не буду, комнаты у вас маловаты, – гость, представившийся именем Ролен, тоже улыбнулся.

Виконт к собственному удивлению привязался к своему спасителю и очень уважал его знания. Почти каждый вечер они проводили в гостиной за неспешным разговором; граф, убедившись, что с сыном все в порядке, спешно вернулся в столицу: официальная должность при дворе требовала его частого присутствия.

Ролен легко поддерживал разговор на любую принятую в свете тему, но всегда расширял ее, выходил за рамки и щедро делился знаниями. Жан поймал себя на том, что все чаще заглядывает в библиотеку, стремясь удивить Ролена познаниями, но к сегодняшнему разговору оказался не готов.

– Если тебе интересно, посмотри потом книги о драконах, в вашей библиотеке я видел пару неплохих на третьей полке.

А сейчас я хочу рассказать тебе вот о чем: когда люди и драконы учились жить рядом, были приняты законы совместной жизни. Магический конклав разрабатывал их больше десятка лет, а потом эти законы были закреплены магически. То есть если дракон или человек нарушает закон, его наказывает магия. Спасая тебя, я запустил действие одного старинного закона и теперь не могу уклониться от его выполнения.

– Какой закон? – любопытно спросил виконт, пытаясь представить собеседника в виде огромной ящерицы с крыльями.

– 'Закон о спасении' – так он называется официально, а мы, драконы, называем его законом о подарках.

– О подарках? – Жан все еще проявлял умеренное любопытство, не обращая внимание на хмурое выражение лица собеседника.

– Да. Закон гласит, что спаситель не имеет права требовать платы со спасенного.

– Но мой отец готов был заплатить тебе любые деньги! – удивился Жан.

– Но, – грустно продолжил дракон, – он может выбрать себе три подарка из того, чем спасенный очень сильно дорожит.

- Три подарка? - виконт пожал плечами. - Выбирай, все мое - твое.

- Я уже выбрал, - продолжая грустно улыбаться, сказал дракон. - Я не хочу разрушать нашу дружбу, но не могу поступить иначе. Сегодня я возьму только один подарок, по закону я могу искать себе подарок раз в год, так и сделаю.

- Пстой! Ты собираешься сразу уехать?

- Я улечу, думаю, ты и сам не захочешь меня видеть, - кивнул Ролен.

- Но почему? - Жан все еще пребывал в недоумении.

- Потому что я хочу твой кинжал, - ответил дракон и уставился на виконта желтыми глазами с вертикальными зрачками.

Жан вздрогнул - до сих пор Ролен не демонстрировал свою необычность - и схватил рукой ножны. Кинжал, который носил виконт, был женским - легким, красиво изукрашенным, его постоянно носила покойная графиня, и после ее смерти Жан воспринимал его как ее частичку. Сняв ножны с пояса непослушными руками, он протянул их дракону с традиционной формулой дарения оружия:

- Да не обратится против меня!

Дракон осторожно взял кинжал и убрал в кошель на поясе:

- Вещи я уже собрал, прости, что так огорчил тебя, мне пора.

- Остаься! - неожиданно вырвалось у Жана-Валера. - Расскажи мне о драконах.

Если желтоглазый Ролен и удивился, то не подал виду:

- Жан, - его голос прозвучал мягко, - я не хочу, чтобы ты меня ненавидел; поверь, выбор делаю не я, выбор делает магия.

Виконт вскочил и отошел к окну:

– Останься, – еще раз с усилием попросил он, – я не хочу оставаться один.

Дракон понял и снова сел:

– Хорошо, я останусь и попробую дальше учить тебя, но через две недели мне все равно надо будет улетать.

Две недели пролетели очень быстро – дракон учил виконта не просто читать, а видеть подтекст, учил смотреть на мир другими глазами, а попутно защитил поместье:

– Здесь очень близко большой лес, – серьезно пояснил он, – лучше защитить дом от любой нечисти.

А еще, несмотря на высокий рост, дракон был очень быстрым и гибким, а потому и страшным противником в спаррингах. Даже замена легкой шпаги на палаш, а потом и на копье не помогла – каждый поединок заканчивался для Жана проигрышем.

В конце концов, Ролленквист пожалел парня и объяснил, что нужно использовать собственные преимущества – невысокий рост и легкость, и тогда Жану удалось подловить дракона на выходе из связки. Восторгам его не было конца, и Ролен, улыбаясь, похвалил способного ученика, а на следующий день улетел.

* * *

Марина вернулась в холл, вымыв руки, и Марта вспомнила, что пора подавать блюда. За столом девушка рассказывала о своей прогулке, много смеялась и с аппетитом пробовала все, что экономка ставила на стол, не забывая нахваливатьстряпню.

– Вы так непосредственны, леди Марина, – осторожно сказал Жан.

Его удивляла странная смесь манер девушки. Она легко пользовалась столовыми приборами, говорила чисто и ясно, но совершенно не стеснялась показывать свои чувства.

– Я очень проголодалась, потому что встала почти два часа назад, – закусив губу пояснила гостья, откладывая вилку.

– О, не волнуйтесь, пожалуйста, просто наши дамы едят за столом как птички, а потом портят себе зубы сладостями в будуаре, – подмигнул ей виконт, ругая себя за то, что испортил девушке настроение и аппетит.

Марина улыбнулась:

– Меня бабуля отучила есть под одеялом раз и навсегда.

– Как это 'под одеялом'? – удивился виконт.

– То есть тайком – так, чтобы не видели другие.

– И как она это сделала?

– Положила в ванильные сухари у меня под подушкой мышку, – Марина покраснела и отодвинула тарелку, – мышка была игрушечная, но очень похожая на настоящую.

Виконт содрогнулся, представив в вазе с печеньем дохлую мышь, и тоже отодвинул тарелку:

– Думаю, мы с вами уже сыты, не хотите ли выпить чаю в библиотеке?

Марина напряглась, вспоминая подходящую случаю фразу:

– С удовольствием.

Виконт улыбнулся и предложил девушке руку.

Дракон

Ролленквист стоял у входа в пещеру и наслаждался горьковатым осенним воздухом. Осталось несколько недель до визита к Жану, но уже сейчас он обдумывал, где стоит поискать свой подарок: может быть, на конюшне? Или в библиотеке?

Задумавшись, дракон решил, что он не прочь перекусить, и вернулся в пещеру. Дикой и неухоженной она выглядела только снаружи, в пяти локтях от входа каменный пол сменялся аккуратными мраморными плитами, а дальше и вовсе шел паркет. Стены, искусно выровненные, блестели мозаикой, зеркалами и драпировками. Во внутренних покоях была неплохая коллекция живописи и небольших скульптур, а уж мебель поражала роскошью и тонкостью отделки. Даже двери были необычными – их украшала инкрустация из тонких золотых пластин и перламутра, а кое-где и небывалая редкость – фарфоровые медальоны с нежной росписью в виде цветов и птиц.

Пройдя обширную прихожую – здесь должен помещаться дракон в своем настоящем облике, – Ролленквист направился в библиотеку. В этом помещении он проводил очень много времени, не только читая книги. Главным его занятием – песней его драконьей души – была миниатюрная живопись. С огромным увлечением и истинно драконьим терпением он часами просиживал с лупой над очередным рукописным томом, превращая листы, отведенные под иллюстрации, в нечто завораживающее.

Вот и сейчас, забыв про обед, он принялся выписывать тонкую золотую вязь на алой букве, вспомнив взятый в подарок кинжал – вещица была старинная, и гравировка на рукояти уже вдохновила его на пару-тройку интересных орнаментов.

Закончив работу, Ролен – именно этим именем он подписывал свои работы – вспомнил, что проголодался. И решил слетать на охоту, мысли о втором подарке уже позабылись, а вот желание размять крылья и лапы осталось.

Марина

Станный он какой-то, этот Жан, лицо некрасивое, острое, словно птичье, но, когда говорит или улыбается – просто глаз не отведешь. Так хотелось посмотреть на его улыбку, что за столом я болтала без перерыва, даже не разобралась, что ела. А щенки такие лапочки, пушистые и мягкие; интересно, а

если потрогать волосы Жана, на ощупь будет похоже?

Марта, подавая блюда, смотрит так пристально, словно у меня муха на носу. Совсем как наша учительница по алгебре и геометрии взирает на мои контрольные – словно не верит, что я сама их сделала!

Прислушиваясь к себе, я решила, что уже немножко успокоилась. Жизнь здесь похожа на загородный лагерь – новые лица, лес вокруг, только дискотеки да зарядки по утрам не хватает. И платья забавные, у 'Барби' таких нет.

Хихикнула, хотела себя на телефон щелкнуть в новых нарядах, девчонкам показать, но телефон уже, наверное, разрядился, да и кому показывать? В носу щипало.

Жан словно заметил, что я скисла, предложил посмотреть красивый травник с картинками – забавно, я как раз биологию собиралась сдавать на ЕГЭ.

Ох, как интересно! Сама книга большая, как мои листы для рисования, переплет из светлой кожи с тиснеными листочками и цветами, перевитыми золотистой лентой. Буквы названия четкие, чуть угловатые, и в каждой притаился изогнутый стебель с вычурными листьями.

Бережно открыла крышку и пожалела, что нет белых перчаток, в которых, судя по фильмам, положено открывать такую красоту. Внутри книга не разочаровала – каждая страничка украшена рамкой из цветов и плодов того растения, о котором идет речь, а заглавная буква превращена в фигуру травника в длинной мантии с искомым кустиком в руках.

– Жан, как красиво! – искренне восхитилась я.

– Этой книгой часто пользовалась моя мама, здесь есть рецепты полезных напитков и, – тут парень слегка смутился, – женских штучек.

Вот как, интересно! 'Женские штучки' – это косметика что ли? Занявшись книгой, я отвлеклась от своих переживаний и даже забыла спросить – а почему от меня тут не шарахаются? Что, юные барышни ежедневно выходят из леса с желанием попасть в свой мир?

Виконт

Как удачно, что мы сели пить чай в библиотеке! Едва улыбка леди погасла, я начал лихорадочно искать возможность отвлечь ее и вспомнил про мамин травник!

Как бережно она обращается с книгой! Ей понравилось! Уф, чтобы еще придумать?

Но через час к нам заглянула Марта и спросила, поеду ли я на ярмарку? Отлично! Я и забыл, что меня ждут:

- Леди Марина, вы останетесь здесь или поедете со мной?

Она подняла свои зеленые глаза и, смущаясь, сказала:

- Я бы хотела поехать, Жан, но не умею ездить верхом.

- Не беда, идите, переоденьтесь, я велю заложить карету.

- Спасибо!

О, как она улыбнулась! Словно зажглось маленькое солнышко! Марта тут же показалась в дверях - явно подслушивала!

- Оденьтесь теплее, сударыня, я хочу показать вам торговые ряды.

- Хорошо, милорд!

Она, улыбаясь, присела и почти бегом последовала за Мартой, и я невольно улыбнулся ей вслед. Странная девушка, рядом с нею у меня ощущение, словно я держу теплый солнечный луч в ладонях.

Все еще улыбаясь, я отдал распоряжение насчет кареты и, переодев камзол, остался ждать леди в холле, предвкушая, как будут сиять ее глаза при виде нашей ярмарки.

Глава 3

Ярмарки в селах, принадлежащих поместью, проводились довольно часто, примерно раз в месяц староста вывешивал над своим домом ярмарочный флаг, и это означало, что в конце недели будет ярмарка. А поскольку село ждали не только доходы, но и расходы, то чаще раза в месяц ярмарки устраивать никто не решался. Но вот осенняя ярмарка, самая большая, проводилась на дороге между двумя большими селами в трех лигах от поместья.

С раннего утра там собирался народ, ставились палатки и прилавки, а часа в два после полудня приезжал представитель нашей семьи, и начинался торг. Почему именно так, никто не знал, на все вопросы старожилы пожимали плечами: обычай, но этот обычай свято соблюдался уже не один десяток лет.

Леди Марина переделалась на удивление быстро – волосы были спрятаны под серебристую сетку, а плотная бархатная лента прижимала ее к волосам и одновременно скрывала маленькие ушки с розовыми мочками. Платье Марта подобрала отличное – из тонкой зеленой шерсти с отделкой из зеленого бархата. Строго и нарядно. Широкие рукава скрывают руки до середины ладони, высокий воротник подчеркивает длинную шею, а кушак обрисовывает тонкую талию, я невольно загляделся. А вот плащ по длине подошел только один – серый, зато из хорошего сукна и с отделкой из шелковых шнуров.

Карета уже стояла у крыльца; кучер, увидев нас, соскочил с козла и открыл дверцу, экипаж был не новым – в поместье отец отправлял кареты, которые выходили из моды в столице, – но вполне удобным. Леди Марина замешкалась, пытаясь подобрать юбку, плащ и подняться в карету, и мои руки сами протянулись помочь. Осторожно усадив леди в карету, я сел в седло и не спеша поехал рядом, можно было ускакать вперед, но мне почему-то хотелось видеть ее лицо, улыбку, удивленно распахнутые глаза...

* * *

Ярмарка уже шумела, пока сдержанно и чинно. Покупатели уже присмотрели себе товары и готовы были по первому сигналу броситься к лавкам и начать торговаться.

Виконт направил коня к высокому помосту, на котором скоро начнут свое выступление бродячие артисты. Карета остановилась неподалеку, и кучер предупредительно распахнул дверцу. Леди смотрела во все глаза: вот виконт ловко поднялся на помост и поднял руку, привлекая внимание:

– Милостью неба и радостью земли закончен ныне сбор урожая! Сим объявляю открытие ярмарки, дабы каждый мог порадовать себя доброй покупкой и хорошей продажей, выпить сидра и съесть свежий пирог! – с этими словами виконт трижды ударил молотом по большому медному диску, изображающему солнце, и тотчас ярмарочный шум усилился. Покупатели бросились к прилавкам, а торговцы, хитро блестя глазами, принялись торговаться, последняя осенняя ярмарка началась!

Спрыгнув с помоста, виконт приблизился к карете:

– Леди Марина, не хотите ли прогуляться?

– С удовольствием, виконт, – Марина уже уяснила, что на людях предпочтительно официальное обращение, и, опираясь на предложенную руку, выбралась из кареты.

День был ярким, солнечным, и даже холодный ветер не портил настроения. Сельская ярмарка напомнила ей большие осенние базары, на которые ее водила бабушка. Обычно купив внучке мороженое или коробочку сока, не старая еще женщина активно ныряла в толпу и часа три бегала среди мешков лука, картофеля и капусты, желая пополнить запасы всевозможных заготовок на балконе и в погребе. Марина уныло тянулась позади нее, любуясь яркими болгарскими перцами, ташкентскими помидорами, горами арбузов и дынь, вдыхая сладкие ароматы сушеных абрикосов и слив. На прохладном осеннем воздухе быстро нагуливался аппетит, и она под ворчание бабушки начинала мечтать о кружке горячего чая и ягодном пироге или о бутерброде с котлетой, мама называла такой бутерброд 'русский гамбургер' и очень любила брать с собой на работу.

Денег Марине в руки почти не давали – так, мелочь на жвачку или мороженое, так что и на этой ярмарке в незнакомом ей мире большого смущения от их отсутствия она не испытывала, ее ждало зрелище!

Виконт не спускал глаз со своей спутницы: она не ахала, не жеманничала, не закатывала глаза, просто звонко смеялась и с искренним любопытством рассматривала все, что попадалось им на пути.

Следом за виконтом следовал управляющий, чтобы лично проследить за продажей зерна, выращенного в поместье, и прикупить необходимое к долгой зиме.

Марина

На ярмарке было весело: вокруг возов и телег толпились тетки в разноцветных повязках с ушками и помпонами; мужики – степенные, в разноцветных долгополых кафтанах, и шустрые, в рубахах и жилетках.

Виконт шагал рядом, часто держа меня под руку, и пояснял, откуда привезли тот или иной товар; мне, честно говоря, было все равно, географию этого мира я не знала, но товары были забавные и интересные.

Например, смешной длинноносый дядька продавал набитые оческами хлопка игрушки: мячики, сшитые из лоскутков, лошадки и куколки болтались на разноцветных нитках у него над головой, а на прилавке разлеглись маленькие деревянные мечи и кинжалы, фигурки воинов и зверей, вырезанные столь искусно, что они казались живыми.

Я засмотрелась на фигурку коня, стоящего на задних ногах, и виконт тотчас купил ее, а заодно и фигурку девушки, странным образом выступающую из дерева. Гораздо больше меня удивило то, что виконт положил на прилавок одну темную монету размером с шоколадную медальку и махнул рукой на разведенные торговцем руки. Фигурки уложил в корзину следующий за нами господин в коричневом камзоле, а дальше корзинку потащил молодой вихрастый парень в долгополом кафтане.

В следующем ряду торговали сладостями, здесь сильно пахло медом и маслом, под ногами крутились ребяташки, стайка молоденьких девчонок хихикала у лотка с пряниками; виконт пошептал мне на ушко, что это сельские невесты, ждут угощения от женихов.

- Невесты? – вот я удивилась! – Этим девушкам не больше четырнадцати лет!

- Некоторым уже пятнадцать, если родители берегут либо у девушки нет приданого, но ведь крестьянки всегда выходили замуж раньше, – виконт пожал плечами, а я вспомнила свою подружку, Дашку.

Ей было четырнадцать, когда родители поехали на море и взяли ее с собой, вернулась Дашка загорелая и ужасно таинственная, раздарила всем брелки с ракушками и браслеты из перламутра, а потом упала на занятиях в обморок. Испуганная историчка увела ее в мед кабинет, и на занятия Дашка не вернулась; говорили, что уехала к бабушке лечиться на свежем воздухе. Только мама проговорила как-то соседке тете Люде, что Дашка родила смуглого мальчика и теперь учится в деревенской школе, а в город вернется, когда нужно будет поступать в институт, как раз малыша от груди отнимет. Мне тогда стало так страшно, ведь это не то, что в чате с парнем болтать, это как-то очень повзрослому? А эти девчонки – невесты?

Виконт

Леди Марина так веселилась, так радовалась и, к моему удивлению, ничего не просила! Почти любая знакомая мне леди воспользовалась бы случаем и накупила на ярмарке себе мелочей, за которые я должен был бы расплатиться как хозяин этих мест, или у них там другие правила? Даже фигурку коня-покровителя только бережно погладила кончиками пальцев, но не стала бросать на меня умоляющие или кокетливые взгляды. Странно. Фигурка мне тоже понравилась, и я ее купил, а еще взял статуэтку Фирры – покровительницы любви; торговец был счастлив: сразу две дорогие фигурки продал!

Но вот когда Марина увидела сельских невест, дожидających угощения, вдруг погасла – что это с ней? Считает себя старой девой? Но у знати браки случаются и в шестнадцать, и даже в восемнадцать, а уж если невеста богата и знатна, то и до двадцати может просидеть в отцовском замке.

К счастью, леди увидела фокусника и забыла о своих печалях. Ловкий прохвост жонглировал сразу пятью яркими мячиками, набитыми конским волосом, потом сменил мячи на кинжалы, а потом превратил их в разноцветные платочки. Леди Марина смеялась и хлопала вместе со всеми, а потом заиграла музыка – начались танцы.

Марина

Я очень старалась не думать о плохом: смотрела представление и радовалась неожиданно подsunутому виконтом прянику, а потом заиграла музыка – ох, как это похоже на польку!

Парни и девчонки начинали робко притопывать на краю большого сколоченного из досок щита; наконец, бойкая малявка лет десяти выпрыгнула в круг и затопала слишком просторными ей красными башмаками – наверное, у старшей сестры утащила, захихикали вокруг. Вскоре прибежала девчонка лет пятнадцати, изловила малявку за ухо и стянула красные башмаки, сунув взамен такие же хлюпающие поршни на завязках. Малявка, скорчив сестрице рожу, все равно пошла плясать, подтянув кожаные шнурки потуже. Народ вокруг покатывался от смеха и шел в круг. Я толкнула Жана-Валера локтем:

– Жан, ты любишь танцевать?

– Что? Леди Марина, но это ведь деревенские танцы!

– Ну и что? Зато весело!

Хихикая, как впервые выпившая пива пятиклашка, я потянула виконта в круг; уже стемнело, зажгли факелы и на нас не очень-то обращали внимание, а потому отплясывали мы лихо. Виконт крепко держал меня за талию и кружил так, что мои юбки заносило в сторону и больно хлестало ими по ногам. Вскоре музыка стихла, и в высь поплыли нежные женские голоса, сплетаясь с мужскими. Жан вдруг словно очнулся, стал сух и деловит и предложил проводить меня домой.

В карете я тряслась молча, и устала, и замерзла, пока искали кучера веселье схлынуло, а на взопревшую меня накинудся ночной холод. Было грустно и

почему-то жаль себя.

Марта встречала нас в холле, тут же потянула меня наверх – умыться и переодеться, обещая за это горячий ужин. Жан словно нарочно задержался во дворе и вошел в дом только тогда, когда меня уже тянули вверх по лестнице, мне стало обидно, и я посмотрела на него, стараясь, чтобы он это понял. Виконт отвел взгляд, а неугомонная Марта уже тянула меня в спальню.

Глава 4

Виконт

Марта давно спустилась и накрыла на стол, а леди Марины все не было; наконец, я не выдержал и попросил Марту позвать леди к столу. Вернулась экономка быстро, таинственно улыбаясь – оказывается, леди так устала на прогулке, что теперь крепко спит прямо в вечернем наряде. Я неожиданно расстроился, вот только что предвкушал отличный заячий паштет, у Марты он получался просто великолепно, а теперь захотелось побыстрее закончить трапезу и лечь спать.

Не сопротивляясь своим желаниям, я отодвинул тарелку и, поблагодарив Марту, пошел к себе, желания сидеть у камина одному тоже не возникало. Экономка, вздохнув, стала собирать тарелки, а я чуть задержался у дверей, ведущих в апартаменты леди, за ними было тихо, что ж, уже иду к себе.

Дракон

Охота удалась: пара оленей, нагулявших осенний жирок, висела в когтях. Хотелось скорее отведать горячего мяса с перцем и пряными травами, но в пещере меня ждал сюрприз! В любимом уютном кресле у камина развалился мужчина лет сорока в черном камзоле с серебряными кружевами, я выругался про себя: дед пожаловал!

Сердито ступая, втащил оленей в кухню и повесил на крюк; если я сейчас не поем – точно сорвусь! Дед молча наблюдал за моими действиями, но даже

кончиком хвоста не шевельнул. Резкими движениями я вырезал из туши кусок мяса и вопросительно взглянул на деда, тот ответил утвердительным кивком – ага, видно, тоже не обедал, политические игрища покоя не дают!

Ехидно хмыкнув, я занялся готовкой – развел огонь, насыпал заранее приготовленных углей и, уложив на них толстый слой зелени, обрызгал чуть-чуть острым соусом. Теперь куски мяса быстро нашпиговать салом, чесноком, гвоздикой, посолить и разложить на траве, сверху вновь зелень и рдеющие угли. Все, через час-полтора будет готово восхитительное жаркое, а пока можно выпить по рюмочке и обсудить причины, заставившие старика заглянуть в гости.

Марина

Проснулась я в темноте, лежать было неудобно – из волос высыпались шпильки, воротник сбился и вонзился в шею, да и многочисленные шнурки и юбки радости не доставляли. Попытавшись встать, я наступила на подол и едва не клюнула носом в пол; очевидно, горничная задернула плотные шторы, потому что даже через несколько минут я все еще ничего не видела и пробиралась к двери ощупью. В голове крутились мысли о том, что спичек я тут не видела, камин почему-то не горел, а в коридоре должна быть свеча в особой металлической лампе, защищенной от возгорания.

В темной гостиной я собрала все диваны, пуфики, скамейки и с грохотом упавшей мебели вывалилась в коридор к долгожданному свету, а навстречу мне из другой двери показался виконт – в светлой длинной рубашке и с мечом в руке.

– Леди, что случилось?

– Ничего страшного, господин виконт, я уснула, а мне не оставили свечу.

– Минуту, – попросил Жан и вернулся в свою комнату.

Лампа в коридоре горела, поэтому я смиренно ждала, переминаясь с ноги на ногу. Вышел виконт уже в камзоле и с подсвечником в руке. Я к тому времени постаралась развернуть на себе платье и сколоть остатками шпилек волосы.

- Полагаю, вы не ужинали, миледи, хотите?

- С удовольствием поем, милорд, но все же сначала попрошу у вас свечу и немного времени - хотя бы для того, чтобы умыться.

- Хорошо, держите, - Жан вручил мне подсвечник, - жду вас в кухне.

И тут он улыбнулся - так сонно и светло, что я засмотрелась. Но вспомнив собственный вид, заторопилась к себе. Коленки я на сей раз не оббивала, а вот заметив приготовленную горку дров с растопкой, не поленилась поднести огонек, даже в теплом платье жарко в покоях не было.

В зеркале все выглядело не так страшно, а потому, умывшись и поправив волосы, я спустилась вниз, подсвечник взяла с собой, не хотелось изображать привидение в отдельно взятом поместье.

А в кухне уже было хорошо - пылала печь, на большом разделочном столе красовались плоски с плавающими фитилями, и в их свете виконт шарил по полкам, выставляя на стол то, что удалось отыскать. Возле остатков окорока с торчащей укоризненно костью возлежал домашний сыр, тут же громоздились миски с тушеными овощами и свежими фруктами, плетенка с булочками и четверть каравая хлеба.

- Жан, довольно! Этим можно бригаду дальнобойщиков накормить.

Виконт успокоился, усадил меня за стол и поинтересовался:

- А кто такие 'дальнобойщики'?

Я постаралась, как могла, объяснить, одновременно уплетая булочку с сыром, больше похожим на прессованный творог.

- Понял, - улыбнулся Жан, - это обозники. У нас тоже есть люди, которые зарабатывают перевозкой грузов на дальние расстояния, и путешествовать обозом конечно надежнее.

Я еще раз обвела взглядом стол – наелась, но жаль, что нет чаю; увидев знакомый кувшин, попросила налить попить. Жан удивился, но налил. Мне хватило одного глотка! Это было вино, довольно крепкое, и, отхлебнув, я вдруг снова обиделась:

– Жан, я же сказала, что мне мама не разрешает пить!

– Ты же попросила!

– Жан, я просто хочу запить окорок, а не напиться и петь песни!

– Марина, ты умеешь петь? – просветлел он лицом, я едва не взвыла.

– Все, мне пора спать!

– Уже? – взгляд виконта стал мечтательным и нетрезвым?

Когда он успел допить мой кубок? Стараясь не подавать вида, что испугалась, я быстро присела, пожелав спокойной ночи, и, подхватив свечи, ушла к себе.

Задвижка в комнате была – простой засов из красной меди, но я задвинула его до конца и только тогда пошла в уже нагрешую спальню. Покрутившись, я сама сняла платье, а рубашка, оказывается, была приготовлена и лежала в кресле возле кровати – длинная, мягкая, как пеленки моих племянниц. Облачившись, я забралась под одеяло, но сон не шел: вспомнились ярмарка, вечерняя дорога среди желтой и красной листвы и поздний ужин вдвоем с Жаном, и его улыбка. Вот так вспоминая день и слушая легкий треск дров в камине, я и уснула.

Дракон

Дед молчал, пока я наполнял кубки легким вином, но отведав, все же заговорил:

– Слышал, что ты получил право трех подарков от виконта Диола?

- Да, - ответил я осторожно - надо знать моего деда, он политическая акула уже около семисот лет и ни одного слова просто так не скажет; вот интересно, кто ему проболтался про подарки?

- И что взял?

- Кинжал.

- Семейный?

- Его матери.

- Ага, - отхлебнув еще вина, дед насупился: - А мать у него, как я помню, приходится нынешней королеве троюродной сестрой?

- Дед! У людей такое родство считается дальним!

- Да знаю я, - дракон неожиданно подмигнул внуку и, подхватив бутылку, разлил вино по кубкам. - Трудно с ними - с людьми, то есть - живут мало, жизнь свою не ценят, родню не берегут.

Я аж похолодел, что еще задумал дед? Но к счастью, мясо зашкворчало, потребовав моего внимания, и я сбежал на кухню. Но внимательный взгляд родича сверлил мне затылок.

- А что собираешься вторым подарком взять? - неожиданно спросил дед как раз тогда, когда я, немного успокоившись, принялся поливать мясо острым соусом. Лицо удержать удалось, сложнее было с руками, но тут помогло однообразие действий.

- Не знаю пока, через три недели полечу к нему в гости, посмотрю.

- Выбери неразумное, - дружески посоветовал дед, - а лучше маленькое, щенка там или жеребенка, с ними проще.

- Я подумаю, дед. Мясо готово!

подавая на стол скворчащие куски, я судорожно пытался вычислить подвох, негласные правила подарков известны всем драконам – старинное, живое и самое новое, так почему же дед решил мне их напомнить?

Пужинав, дед передал мне записку от мамы и отбыл почему-то не на крыльях, а в расписной карете – снова притворяется ветхим старцем? Да кто ж ему поверит? Только в прошлом году отец улаживал скандал с ночными визитами в спальню молоденькой дочери вольного барона; и все же: почему?

Глава 5

Марина

Проснулась я поздно и с уверенной мыслью: хочу домой! Пока умывалась-одевалась в нечто розовое с длинными атласными лентами вместо шнурков, мысль оформилась окончательно, не могу я всю жизнь ходить в таких платьях! Ни по перилам скатиться, ни на дерево залезть!

В общем, к позднему завтраку спускалась в самом боевом настроении, а за столом сидел совершенно зеленый Валер – ха, похоже, кто-то вчера лег спать с бутылкой. Его осторожные попытки встать из-за стола, чтобы отодвинуть мне стул, подтвердили мою догадку: похмелье! Мама в таких случаях с папой даже не разговаривала, пока он не переставал страдальчески морщиться на каждый звук, впрочем, лечение есть – быстрое и безболезненное.

– Марта, – привлекла я внимание экономки, – на кухне найдется уха или бульон?

– Да, миледи, есть костный бульон.

– Не пойдет, жирный очень, а свежая рыба есть?

– Есть, миледи.

– Сварите, пожалуйста, виконту рыбный бульон, хорошо посоленный и пряный, побыстрее, – я умильно улыбнулась – на бабушку действовало и с Мартой сработало, она тут же убежала на кухню, а виконт, морщась, уселся и смотрел на булочки с джемом, как на врага народа.

Ну что ж, раз сотрапезник сегодня молчалив – будем завтракать! Выбрав свежую мягкую булочку, я нарезала ее тоненькими ломтиками и каждый намазала медом, потом начала украшать – на один ломтик уложила кусочек домашнего сыра, на другой – насыпала орешков не известного мне вида, третий кусочек украсила ломтиками сочного зеленого фрукта, вкусом напоминающего хурму.

У виконта от удивления начали открываться заплывшие щелочки глаз, а я, слопав все до крошки, дождалась горшочка с ухой для виконта. Вдохнув пряный аромат и сделав несколько глоточков, Жан порозовел и активно заработал ложкой. Довольная Марта тут же заставила стол новыми вкусностями, но я уже наелась и, извинившись, отправилась на прогулку, свежий воздух хорошо прочищает мысли, а разговор нам с виконтом предстоит серьезный.

Дракон

Дед уехал, а мысли оставил у меня; побродив по пещере, я решил сесть за рабочий стол. Иногда, отпуская мысли и чувства на свободу, я рисовал такие картины, что сам себе поражался, они были почти живыми, яркими, сочными или напротив, тусклыми и серыми, но именно в них таился ответ на мои вопросы.

Разложив перед собой несколько листов различной бумаги, пергамента и даже пару пластинок из фарфора и слоновой кости, я отвлеченно начал открывать горшочки с красками, выбирать кисти. Подумав, отыскал и лопатки из кости и рога, вынул из пенала даже палочку мягкого серебра, а потом, отстранившись от окружающего, начал думать о виконте, подарках и визите деда.

Очнулся только вечером, когда предпоследний светильник зачал и потух с громким треском. Встал, не глядя на стол; понял, как затекло все тело, и, выйдя из пещеры, расправил крылья. Спешки сейчас нет, а после такого труда хорошо бы освежиться в проточной воде, долечу до Радужного водопада, доем мясо, а уж потом взгляну на рисунки.

Виконт

Головная боль несколько утихла – Марта сварила отличный наваристый бульон; жаль, что леди Марина уже ушла, в ее присутствии блюда кажутся вкуснее.

Наевшись, я вышел в парк. Марина бродила по ближайшим к дому дорожкам одна, камеристка наблюдала за ней с крыльца:

– Леди попросила оставить ее одну! – пискнула девчонка, приседая в книксене.

Я благожелательно кивнул:

– Ты все сделала правильно, ступай, я сам буду сопровождать нашу гостью! – девушка убежала, а я догнал леди Марину у не работающего круглого фонтана:

– Сударыня! Примите мою благодарность за спасение от головной боли!

Леди посмотрела на меня странно – недоверчиво и в то же время решительно:

– Очень хорошо, милорд, что вы уже пришли в себя. Я хотела с вами поговорить.

Я огляделся: с утра траву и скамейки покрывал густой иней, бледное солнце еще не успело его высушить:

– Не хотите ли войти в дом? Здесь негде присесть.

– Не хочу, – леди Марина стояла прямо, как солдат на параде. – Это слишком важный разговор, милорд, и я предпочту начать его здесь.

– Хорошо, леди, давайте пройдемся по аллее, – предложил я, – и вы мне расскажете, что вас так беспокоит.

Некоторое время мы шли молча, а потом Марина все же заговорила:

– Скажите, Жан, я могу вернуться в свой мир?

– Боюсь, я не знаю точного ответа, леди. В тех книгах, которые я отыскал в библиотеке, рассказывалось о людях из других миров, но все они оставались в нашем мире до самой смерти. Впрочем, там же упоминались различные демонические и эфирные сущности, их удавалось с помощью магов вернуть в собственные миры.

– Значит, теоретически возвращение возможно?

– Вопрос не ко мне, леди – к магам, но маги берут за свои услуги очень дорого, последний дух отработывал сорок лет у мага, прежде чем он отправил его обратно.

Леди задумалась, но потом упрямо сжала губы и продолжила:

– Жан, расскажите мне, как устраивались в вашем мире люди из других вселенных?

– В книгах написано в основном о мужчинах, женщине у нас нельзя жить без покровительства, любой грубиян, встретивший одинокую женщину, может причинить ей вред, – Марина побледнела, но продолжила внимательно слушать. – Мужчины приносили с собой знания и вливались в семью или клан, которые их нашли. Женщины, не нашедшие покровительства, погибли, а остальные либо становились наложницами, либо выходили замуж.

Марина сделала еще несколько шагов, потом развернулась и, кусая губы, спросила:

– Жан, а вы можете стать моим покровителем и помочь мне добраться до мага?

– Леди, – я помолчал, – я слишком молод, чтобы оказывать покровительство девушке брачного возраста. Вас сочтут моей любовницей, а маг имеет полное право не разговаривать с наложницей. Также вы не являетесь моей родственницей, поэтому покровительство моего отца будет умалением моей чести, ведь я первым вас нашел.

Марина пыталась что-то сказать, но я поднял руку, призывая девушку к молчанию:

– Есть только один приемлемый вариант. Он несколько неудобен для вас, но я буду счастлив, если вы окажете мне честь и согласитесь стать моей невестой и тем примите мою заботу и покровительство.

– Невестой? – Марина была в растерянности, еще минуту назад она была готова выцарапать мне глаза, а теперь просто растерялась:

– Я еще не окончила школу, и мама... – встряхнувшись, девушка помолчала и, подняв пронзительные зеленые глаза, серьезно спросила:

– Жан, зачем это тебе? Ты красив, богат и, наверное, в невестах ходит половина округа?

Я ненадолго смутился, но все же решительно ответил:

– Я просто хочу вам помочь, леди, а без покровительства мужчины вы легко потеряетесь в нашем мире, – говоря все это легким тоном, внутри мое сердце замирало от ужаса: а вдруг она отвергнет предложение?

– Нам, увы, придется соблюсти светские формальности: заключить договор, объявить о помолвке и какое-то время изображать влюбленных, но клянусь, что не буду вам надоедать своими ухаживаниями! Итак, леди, скажите, вы согласны?

Отчаянно кусая губу, Марина еще раз всмотрелась в мои глаза и кивнула:

– Да, милорд, я принимаю ваше предложение, но с условием – при первой же возможности вы отвезете меня к магу, я хочу домой! – на глазах девушки заблестели слезы, и она со всех ног кинулась прочь.

К дому я шел медленно, внутри унялся дрожащий страх, а в голове билось: она согласилась! Значит, можно быть рядом, держать за руку, гулять и проводить вечера у камина. Неожиданно широко улыбнувшись и подпрыгнув на месте, я ускорил шаги: нужно выбрать для леди обручальное кольцо и сообщить радостную весть слугам и отцу!

Глава 6

Дракон

Вот зачем я оттягиваю подход к столу? Искупался, поел, а теперь медленно убираю в ящички краски и инструменты, ловя боковым зрением три изображения в центре стола. Пытаюсь оценить их издалека.

Первое на зеленоватой рисовой бумаге – тонкий лист, нежный оттенок, серые и коричневые мазки. Второй лист пергамента – тепло-янтарного, цвета осени – на нем видны решительные штрихи туши и тонкая золотая вязь. Третье изображение не на бумаге – на фарфоре, хрупком и нежном – там что-то воздушное, почти акварельное. Собрав инструменты, наполнил маслом все светильники и, не откладывая больше, шагнул к столу.

На рисовой бумаге что-то странное: серые кубики и тонкие ивовые ветви с длинными сережками. Проблеск цвета в ажурной зелени и знак начала пути.

Пожав плечами, я переключился на пергамент: тут было что-то, напоминавшее классические теневые картинки салонного театра, – сквозь ажурную решетку проступал ухоженный сад, а в центре беседки четко видны две фигуры: мужская и женская, вокруг вились золотом символы совсем другой эпохи – единорог, лев со штандартом в лапе и венок из петрушки. И снова непонятно, что это?

А фарфор представлял собой неоконченную акварель – нежные розы и незабудки сплетались в гирлянды, между ними бежали стройные борзые, летали голуби; кинжалы и маски составляли вензеля.

Разложив перед собой все три изображения, дракон задумался, а потом решительно убрал странные картинки в специальный сундук для испорченных работ. Раз дед не пожелал делиться информацией, стоит поискать ее в другом месте.

Виконт

Вернувшись в дом, я сразу отписал отцу о сделанном мною предложении, заодно попросил прислать фамильный брачный контракт, его формулировки практически не менялись в нашей семье пару столетий. Условия были просты:

– Невеста, заключив договор о помолвке, получала определенную сумму на свадебные торжества и наряды. В случае расторжения договора с ее стороны, деньги возвращались жениху.

– Жена имела право на определенную сумму содержания в год. А в случае рождения наследника получала поместье, которое могла передать любому из своих детей независимо от порядка наследования.

– Вдовья часть выделялась из ежегодного дохода супруга и откладывалась в банк. При жизни супруга женщина могла пользоваться процентами, а в случае ее смерти деньги передавались ее дочерям в качестве приданого.

Конечно, в каждом договоре были свои нюансы, но фамильный договор считался лучшим из всех вариантов брачных договоров знати.

Отец ответил удивительно быстро – с помощью магического вестника сообщил, что рад и в ближайшие дни приедет познакомиться с моей нареченной.

Так же быстро вести разнеслись по округе, нас засыпали приглашениями, но я вежливо писал в ответ, что ждем приезда отца и без его благословения показаться вместе в свете не можем.

Заботы компаньонки на себя взяла Марта, пришлось расширить штат прислуги – нанять повара, секретаря и пару горничных, иначе всевозможные светские хлопоты не дали бы нам с леди Мариной побыть наедине.

Однажды, когда мы с леди гуляли в лесу, она попросила меня отвезти ее на то место, где она появилась в этом мире. Конечно, она его не помнила, но как интересно пыталась его найти!

Сначала мы приехали на поляну для тренировок, Марина плохо держалась в седле, и потому я вез ее на своей лошади и, обнимая, вдыхал нежный аромат ее волос.

Потом леди попросила меня вспомнить, где она стояла, когда я ее заметил – тут очень пригодилась испорченная мишень: я больше не ездил на тренировку, и мишень до сих пор не заменили.

А затем мы осторожно двинулись через лес. Ночные заморозки украсили траву сеточкой инея, кое-где под поздним покрасневшим солнцем сияла обвисшая паутинка, а в воздухе остро пахло прелыми листьями и грибами.

Следов давно не осталось, но мне так приятно было ехать по тихому лесу, слушать мерный стук копыт, что мы прокружили в поисках полянки больше двух часов, а когда подъехали к дому, мальчишка, принявший лошадь, шепнул, что приехал господин граф.

Марина

Вот странно как-то, десять минут назад Марта смотрела на меня, как на мебель, а теперь низко приседает и с почтением провожает в гостиную. Жан объявил о помолвке, едва мы вошли в дом, а потом попросил меня посидеть с ним рядом, пока он будет составлять письмо отцу:

– Простите, леди, что не отпускаю вас отдыхать, но письмо нужно составить срочно, а если мы не будем стараться как можно чаще быть вместе, нас не поймут.

Мне оставалось только кивнуть и сесть в кресло. Поразмыслив, я утянула на колени небольшой томик в простом зеленом переплете – оказалось, это сборник любовных поэм, написанных несколько высокопарно, но вполне читаемо, что-то вроде 'Руслана и Людмилы' Пушкина.

Закончив с письмом, Жан вынул из шкатулки колечко, продел в него письмо, и оно тут же исчезло. Заметив мое удивление, он пояснил, что эти кольца – магические вестники, их привязывают кровью к конкретному человеку, и теперь его отец получит письмо, где бы ни находился.

– А это дорого? – поинтересовалась я. – Помнится, мама возмущалась ценами на перевозку ЕМС, но и обычной почте важные бумаги не доверяла; очевидно, здесь такой же случай.

После отправки письма Жан начал мне объяснять правила поведения приличной невесты, больше всего это напоминало инструкцию для воспитанника детского сада: 'сиди в углу и всем улыбайся!'

Услышав о компаньонке, я попыталась разузнать, что это вообще за зверь? Оказалось – надсмотрщик за моей девичьей честью; похихикав в кулачок, я уточнила: кто возьмет на себя эту неблагодарную роль? Мне было странно весело и безумно, жизнь словно сорвалась с горки и покатила, стуча колесами, с неслыханной скоростью.

– Если ты не против, я попрошу Марту занять эту должность, и заодно стоит подобрать ей помощников на кухню и в дом: едва соседи узнают о помолвке, здесь яблоку будет негде упасть.

Вот эта перспектива быть выставленной перед незнакомыми людьми в качестве нового экзотического блюда совсем не обрадовала. Я задумалась, потирая лоб, а потом спросила:

– Жан, а можно как-то сократить визиты, а лучше пока совсем никого не приглашать? Я еще плохо знаю ваши обычаи, да и с твоими родственниками не знакома, а у нас принято сначала знакомиться с семьей.

– Отличный предлог! – обрадовался Жан, записал что-то на листочке и озабоченно добавил: – Боюсь, мне понадобится секретарь, количество писем изрядно возрастет.

Потом Жан вызвал Марту, объявил ей радостную весть о назначении ее на новую должность. Потребовал подобрать слуг на кухню и горничных для гостиных и чуть не забыл про секретаря, пришлось напомнить. Но экономка, расцветшая было при вести о новой должности, тут же бросила на меня странный взгляд: мол, куда спешишь, малявка? Вот терпеть такие взгляды не могу, язык ей, что ли, показать?

Дракон

Первым делом я отправился к отцу. Они с мамой постоянно проживали на юге, но отец по долгу службы имел жилье поближе к столице людей. Высокая каменная башня с плоской крышей, на которую вполне может приземлиться дракон. Долетев до ближайшего к столице трактира, я принял человеческий облик и, зайдя внутрь, присел за стол. Смазливая девка с алыми губами и черными, подведенными углем бровями склонилась над столом, демонстрируя вполне свежие прелести:

- Что угодно, господин?

- Пива горячего с имбирем, свиную рульку с капустой и колбаски с перцем.

Заказ принесли быстро. Свинина с капустой и пиво популярны в холодное время года, а вот острые колбаски – блюдо дорогое, но не слишком. Теперь девка будет мне призывно улыбаться, а пара угрюмых верзил у стойки внимательно оценят стоимость камзола и длину кинжала. Впрочем, в такой близости от столицы были все шансы поужинать мирно.

Отведав из простой керамической кружки неплохого имбирного пива, я в ожидании заказанных колбасок стал осторожно присматриваться к сидящим в зале людям и не людям и прислушиваться к разговорам. Иногда новости быстрее можно узнать в трактире, чем королевском дворце.

Вот парочка крестьян, хмуро жующих кашу и, кажется, даже без масла – выходит, идут наниматься в город. Судя по вышивке на рубахе – из западного графства. Неурожай? Или пожар? Вещей почти нет, но волосы целы – а может, болезнь?

Вот три подмастерья наливаются пивом, а мастер о чем-то гудит с кокетливой вдовушкой за соседним столом – похоже, выполнили заказ и возвращаются в город. И судя по всему, заказ успешный. А что это за знаки на бляхах подмастерьев? Ювелирный цех? Свадьба? Или новое назначение?

А вот и два худых подростка в черных костюмчиках под присмотром сухопарой дамы в сером платье, рядом широколицый господин шумно хлебает борщ – воспитанники едут в школу? Или сирот перевозят под присмотр опекунов?

Пиво кончилось, и я бросил подавальщице еще монетку и попросил сразу кувшин – за мой стол скользнул неприметный человечек в дорожной одежде и замер, потирая липкие бледные ладошки. Сколько помню этого червяка, он постоянно мерзнет, так что горячее пиво существенно ускорит разговор.

Пиво принесли, и, выпив кружку залпом, наг прошипел:

– С-сколько господина Ролен может заплатить за информацию?

– Если ты о пожарах в западном графстве – зря стараешься, – небрежно сказал я, откинувшись спиной на стену трактира.

– Хм, – выпив еще кружку, наг снова потер ладошки, – а предстоящее бракосочетание девицы лен Маризон?

– Не интересует. Украшения уже изготовлены, и полагаю, через седмицу о помолвке напишут все листки.

Вздохнув и поерзав, наг потянулся к кувшину в третий раз, но я накрыл его ладонью:

– Что произошло в столице, связанное с графом Диолом?

Наг непроизвольно зашипел, потом, спрятав раздвоенный язык, придвинул к кувшину кружку. Я молча налил половину.

– Г-говор-рят-т, – наг все еще шипел, – граф-ф-ф решил жениться.

– Граф?

– Он еще не с-с-стар, едва с-с-сорок пять с-с-стукнуло, гнездо пус-с-сто. На балу у леди Вивиан появилс-с-ся.

Наг почти успокоился и, едва я убрал руку, снова вцепился в полупустой кувшин, а я задумался: вот так сюрприз. Выходит, граф появился на балу дебютанток, который ежегодно устраивает сестра короля, леди Вивиан. В высшем свете это

обычно означает, что мужчина ищет себе жену.

Значит, Жана ждет новое потрясение. А дед спрашивал про подарки – надеется, что виконту так понравится мачеха, что мне придется ее забрать? Или все еще хитрее? Жан – единственный наследник, и сейчас граф в долгу передо мной за спасение сына, да и виконт тоже. Ха, похоже, дед знает, кто невеста! И ему не нравится этот брак!

Закончив размышлять, я увидел, что наг уже допил пиво и смотрит на меня выпуклыми бесцветными глазами. Положив на стол монету, я кивнул:

– Спасибо, не знал, что у юных леди из провинции нынче такая знатная добыча!

– Говорят, графа пленила с-с-столичная ш-штучка, леди Чизьер.

Я очень постарался не перемениться в лице: Чизьер! Быстро выйдя из трактира, запрыгнул на запятки экипажа, едущего в сторону столицы, и задумался.

Лорд Чизьер был советником короля, как и граф Диол. Он неплохой человек и служит королю так же верно, как и стране, – но вот его женушка была страстной интриганкой, великосветской поборницей нравов и тайной отравительницей. Ее розовые ушки торчали по крайней мере из пары скандалов, закончившихся безвременной смертью, но доказать ничего не удалось – то ли канцлер прикрывал шалости супруги, то ли она была так виртуозна.

Карета немилосердно тряслась на ухабах, и обычный человек давно бы слетел в промерзшую колею, но я сидел и размышлял: так что устроила эта леди, чтобы женить графа на своей дочери? Подкуп? Граф богат. Приворот? Имеет смысл проверить, но его защитный амулет я настраивал сам. Шантаж? А вот это ближе к цели, нужно уточнить у отца, с кем сейчас ведет дела граф и не висит ли у него на шее какое-нибудь экзотическое посольство.

А вот и башня! Я спрыгнул с запяток и, потянувшись, направился к рабочему убежищу родителя.

Снаружи башня выглядела просто кучей камней, кое-как скрепленных раствором, но отец свято следовал постулату: внутри должно быть больше, чем

снаружи. Тяжелая дубовая дверь, окованная железом, открылась мягко, без скрипа; маячки, настроенные на меня, мигнули.

Маленькая каменная площадка у подножия лестницы, светильник оранжевого стекла и отливающего синевой металла, перила из светлого, молочного камня, словно подсвеченного изнутри. Красивая кованая решетка с изображением танцующих журавлей изгибается следом за металлической лестницей на первый этаж башни.

На первом этаже располагается приемная, кабинет и маленькая гостиная с широкой оттоманкой, на которой припозднившийся гость мог и заночевать.

В приемной все строго: каменный пол, чтобы курьеры не могли исцарапать его шпорами; деревянные панели стен – за некоторыми прятались тайники – и простые широкие скамьи с кожаными подушками.

Маленький стол для секретаря обычно занимал седенький и невзрачный на вид мэтр Лобаль, вот и сейчас он вежливо приветствовал меня и просил подождать прибытия лорда Дарлинуса в гостиной. Я охотно прошел в уютную комнату с зелеными суконными стенами и отличным выбором напитков. Пока лежу, растянувшись в мягком кресле, обдумываю, что сказать отцу.

Марина

Жан постарался не подать виду, что столь скорый приезд отца для него сюрприз. Вежливо помог мне спешиться и, уложив руку себе на локоть, повел в дом. Коленки у меня подгибались, зубы постукивали, но ожидавшая в холле горничная предпочла списать это на холод.

– Ах, леди, вам нужно скорее согреться! – причитала она, стягивая с меня плащ.

Жан тут же отреагировал:

– Ступайте, леди, переоденьтесь, мы с отцом будем ждать вас в гостиной, скоро подадут ужин.

Я уже привычно присела в ответ на его короткий поклон и сбежала в свои комнаты. Пока Сара хлопотала, переодевая меня во что-то темно-розовое с тонкой серебристой вышивкой, я пыталась себе представить, что скажу графу и как буду себя вести. Можно ли сказать ему, что наша помолвка – фикция? И как Жан объяснит наше проживание в одном доме? Присутствие компаньонки, конечно, скрасит картину, но не сильно.

Пока я дрожала, внизу раздавались шаги, голоса и звон посуды:

– Сара, с графом прибыли его слуги?

– И слуги, и секретарь, и егеря – граф королевский советник, ему положена большая свита.

Я только вздохнула, интересно, сколько нас будет за столом?

Глава 8

Виконт

Отец меня удивил. Сдержанно выслушал, похмурил черные брови, потеревил шевелюру с тонкими ниточками седины, а потом сказал:

– Отлично, сын, женись! Даю мое благословение! Свадьбу хотите в поместье?

– Моя невеста не представлена ко двору и плохо знает наши обычаи и этикет.

– Тем лучше, значит в поместье.

Мы еще немного поговорили о столичных новостях, но едва речь зашла о ежегодном бале невест, как отец вдруг смутился и спросил:

– Сын, до тебя слухи из столицы не доходили?

– Нет, – я искренне удивился, – вы же знаете, мы живем уединенно.

– Хорошо, но даже если и дойдут – не верь! – сказав это, отец так резко рубанул воздух ладонью, что раздался резкий неприятный звук.

Тут дверь отворилась, и в комнату вошла леди Марина, и отец внимательно ее рассмотрел, пока она делала реверанс.

– Приветствую вас, леди Мой сын обрадовал меня доброй вестью, благословляю ваш союз и с радостью назову вас дочерью.

Марина еще раз присела и отошла к креслу. Я помог ей сесть, удивляясь ее бледности; впрочем, розовое платье хорошо это скрывало, но ее ледяная рука, легшая на мою ладонь, беспокоила.

К счастью, отец не стал расспрашивать леди Марину ни о чем, а просто посетовал, что проголодался, и мы прошли в столовую. Весь вечер отец улыбался, шутил, но чувствовалось, что его мысли далеко. Как только подали десерт, он извинился и отправился в кабинет, а мы с Мариной переместились к чайному столику, и она, наконец, немного успокоившись, спросила:

– Жан, почему ваш отец так обрадовался нашей помолвке и почему так спешит со свадьбой?

– Марина, я не знаю, я очень удивлен. Ведь я полагал, что отец будет под разными предлогами откладывать нашу свадьбу.

– Мы не можем поехать к магу? – спросила то, что ее волновало девушка.

– Прямо сейчас – нет. Отец собирается задержаться на несколько дней, а потом можно будет съездить в ближайший крупный город под предлогом покупки приданого и отыскать мага там.

Леди Марина, к счастью, дослушала, мило покусывая розовую губку, и кивнула:

– Хорошо, Жан, я подожду, но мне обязательно-обязательно нужно к магу!

Я понимаю, – коснувшись поцелуем ее руки, я вдруг вспомнил: – И еще: через неделю прилетит мой друг – он дракон.

– Дракон?

– Да, нам придется его дождаться; думаю, он не откажется съездить с нами в Бориллу или в Сакс. И все драконы – хорошие маги; возможно, он что-нибудь знает о твоём мире.

Марина

Жан меня уговаривает; чувствую, что старается, чтобы мне было спокойно, но при этом неотвязно думает о чем-то печальном. Очень хочется поправить длинную прядь, которую он одним движением отбрасывает от лица, но помня о холодных глазах Марты, хватаюсь за ручку чашки: лучше буду чай пить. Нечего мечтать, надо думать, как быстрее попасть домой!

Отпила несколько глоточков и задумалась, глядя, как Жан крошит на блюде бисквит. Он не спешит убежать, не мнетса с ноги на ногу и даже подливает кипятком из пузатого чайника, хотя это считается здесь чисто женской обязанностью.

На мой удивленный взгляд он поясняет:

– Чайник тяжелый, не хочу, чтобы ты обожглась. Только отцу не говори: это не принято, но звать Марту каждый раз, когда захотелось чаю? – он выразительно пожал плечами, а я продолжила размышления.

Его отец меня удивил – я думала, он будет старше или солиднее – этакий вельможа екатерининских времен с картинки в учебнике истории. А он оказался невысоким, сухощавым и очень похожим на сына, только шире в плечах и волосы красиво переплетают серебряные нити. Простой дорожный камзол, длинная шпага на боку и даже пистолет, заткнутый за пояс, – скорее, путешественник времен королевы Виктории, как их рисуют на обложках дамских романов.

Говорил граф коротко, смотрел пристально, но думал о чем-то своем. Впрочем, ругать меня или чрезмерно хвалить не стал, и это меня порадовало: может,

просто забудет, когда мы с Жаном расстанемся?

Когда чай был допит, а бисквиты раскрошены, мысли перепрыгнули в другую сторону: друг – дракон?

Интересно, помнится, одна из тетушек дарила мне книгу 'Все о драконах' – совершенно ошеломительное издание легенд о драконах, куда включили и Никиту Кожемяку, изобразив спасенную им княжью племянницу черноволосой и узкоглазой. Мы с Юлькой так смеялись, что бабушке пришлось нам чай с валерьянкой заваривать и малиновым вареньем запах скрывать.

Жан не пошел с отцом в кабинет, сидел со мной, рассказывал легенды о драконах, которые живут в их мире, даже книжку принес – с картинками!

Я была разочарована – в книжке говорилось о великих битвах с участием драконов, поэтому в основном изображались панорамы полей, усыпанных трупами, и реющие над полями огнедышащие твари, обликом напоминавшие смесь дикобраза и ящерицы. Книгу мы, однако, листали до полной темноты за окнами. Потом, сославшись на поздний час, Жан проводил меня к моим комнатам и, поцеловав на прощание руку, передал Саре, которая ждала меня, гордясь новым званием – личной горничной невесты виконта!

Дом уже не был тихим и задумчивым: всюду сновали люди, мужчины и женщины, подростки и старики. Мыли, чистили, носили подносы с едой и вазы с цветами из оранжереи. Стоило Саре выскочить из комнаты за водой для умывания или за новым душистым мылом, сваренным только сегодня, как эта новая жизнь врвалась в мои тихие комнаты звуками, запахами и даже любопытными носами двух пажей.

Несмотря на ночь за окном и уютный халатик поверх ночной рубашки, мне не спалось. Какое-то время я провела у холодного стекла, дыша на него и рисуя пальцем узоры. Потом пыталась разглядеть звезды, потом села за маленький столик, похожий на те, что были в школьной библиотеке – с высокой наклонной крышкой и множеством ячеек для бумаг. Читать не хотелось, писать – тоже, может быть, порисовать?

Я увлеклась, отбрасывала сломанные перья, вытирала носовым платком мокрые от чернил пальцы и, старательно пыхтя, добивалась нужного эффекта. Рисовать

я не умею – вообще, учительница ИЗО милосердно ставила тройки, чтобы не портить мне оценки за четверть, а в конце года просила написать реферат о художнике или направлении в искусстве и, поставив пару пятерок, за мои опусы выводила четверку, опять-таки, чтобы не портить девочке оценки.

Рисовала я Жана – такого, как увидела на поляне: грустного, озабоченного душевными терзаниями и безжалостно бьющего мишени в надежде уменьшить боль. Когда оторвалась, поняла, что дом уже спит. Осмотрела забрызганный стол, поломанные перья, кучу смятых и порванных листов и вздохнула: нужно убирать. Камин еще тлел, он легко проглотил и бумагу, и перья, и даже замызганный до неузнаваемости платок. Результаты трудов я запихнула в пустую ячейку, Жану я это показать не решусь.

Глава 9

Виконт

Утром леди Марина долго не выходила из спальни. Встревожившись, я отправил к ней горничную, и она еле разбудила леди и еще долго сновала из комнат в кухню с чашками, полотенцами и прочими женскими нужностями.

Наконец, Марина спустилась в гостиную. Отец вышел из своих покоев в любимом стеганом халате, и я удивился: отец всегда вставал рано, говоря, что успевает сделать значительно больше с утра, пока все дворцовые бездельники отлеживают бока. Впрочем, чуть набрякшие веки и рассеянный взгляд говорили о том, что он за полночь засиделся за документами и письмами.

– Доброе утро, сын, леди Марина, – отец поприветствовал нас и уселся в самое глубокое кресло.

– Доброе утро, отец.

– Доброе утро, милорд. Хотите, велю подать бодрящий отвар? Ночь была беспокойная, пришлось с утра заварить.

Отец посмотрел на леди Марину с изумлением – отвык от женской заботы? Или не ожидал, что столь юная незамужняя леди разбирается в травах?

– Хорошо, леди, пусть подадут, и немного печенья на завтрак, – отец откинулся на спинку кресла и уставился в огонь.

Леди вышла и через несколько минут Сара принесла чайник, источающий ароматы трав и лимона; чашки, салфетки и печенье с мармеладом. После чая я осмелился рассказать отцу о наших планах заказать приданое в одном из соседних городов, но граф почему-то изменил решение сделать все тихо:

– Нет, невеста моего сына достойна лучшего! Завтра едем в столицу и посещаем портных!

– Но отец, через шесть дней прибудет Ролен!

– Оставишь письмо; не думаю, что ему будет трудно отыскать тебя в столице!

Когда отец говорит таким тоном, спорить бесполезно. Нет, я, конечно, могу сделать так, как считаю нужным, но он не отступит и повезет Марину в столицу. А раз ей все равно туда нужно – зачем спорить? Лучше позабочусь об удобном экипаже, слугах и провианте. Поэтому, согласно кивнув, я задумался: если ехать до столицы в карете, то в зависимости от лошадей и дорог можно добраться за двое суток или за неделю неспешной езды. Королевская дорога от нас далековато, значит поедем медленнее, но землю уже прихватило, и путь будет легче. Если взять сменного кучера и больше масла для фонарей – доедем дня за три, а то и быстрее.

Отец, очевидно, обратил внимание на мои размышления и одобрительно кивнул, добавив:

– Позаботься о жаровнях и теплом пологе, леди любят тепло! – и, поцеловав пальчики леди Марины, вышел.

– Жан, мы поедем в столицу? – в голосе девушки звучал вопрос.

– Да, Марина, поедem. Велите Саре уложить вещи, но немного. В столице мы сразу закажем вам модные платья и все необходимое.

– Жан, вы не забудете, что нам нужны маги? – она закусилa губу в волнении и я вздрогнул, представив, как сам касаюсь этих губ жарким поцелуем.

– Конечно, леди, к магу мы отправимся в первую очередь! – привычка к вежливости меня спасла, голос почти не дрожал.

Но Марина смотрела недоверчиво, а потом, вздохнув, уточнила:

– Жан, вы обещаете мне, что, приехав в столицу, мы сразу же найдем мага, который отправит меня в мой мир?

Интересно, кто научил эту юную девушку быть такой недоверчивой и практичной?

– Леди, прошу меня простить, но этого я обещать не могу, – признался я, – я не знаю, сможет ли маг отправить вас в ваш мир. Я обещаю, что отведу вас к магу, – это все, что я могу сделать.

– Хорошо, – леди Марина сдержала набежавшие слезы и вышла, сказав, что должна отдать распоряжения Саре.

Я восхищен ее мужеством! Она быстро перенимает правила поведения, учит этикет и старается быть вежливой со всеми, но когда я вижу ее слезы – я знаю, что могу потерять ее. Она хочет обратно, в свой мир, ее ждут близкие и знакомая жизнь, но разве я смогу вновь остаться один?

Марина

Надежды нет, мне стало тоскливо, за окном стучал дождь, изредка стуча в стекло мелкими льдинками. Подошла Сара, пришлось брать себя в руки и, отвернувшись к окну, строгим голосом распоряжаться упаковать три-четыре платья, наиболее теплых, щетки для волос и шпильки и прочее:

– На завтра приготовь коричневое платье без воротника, к нему – меховой жилет и шапочку; перчатки, чулки и сапоги нужно проверить и прогреть на печи. Скажи мистрис Марте, что ты поедешь с нами, его светлость назначил тебя моей личной камеристкой до самой столицы.

Девушка присела и побежала разносить по дому радостную весть, а я еще острее почувствовала свою чуждость этому миру. Забившись в нишу у окна, уставилась в сад. Зрелище было печальным, мокрые черные деревья обвисли и украсились ледяными каплями, порой дождь переходил в легкий снег и снова сменялся дождем; дороги развезет – как мы поедем?

Я недооценила графа. Ему подчиняется даже природа. Ночью грянули заморозки, крыльцо обледенело, и если бы не сильная рука виконта – я, скорее всего, пересчитала бы попой ступеньки.

Граф выглядел величественно и грозно, несмотря на невысокий рост. Его длинный черный плащ, подбитый серым мехом, касался краем ледяной кромки крыльца. Виконт рядом с ним выглядел скромно: камзол и штаны из плотного сукна, вязаный берет с простой пряжкой, перчатки и сапоги. На мой удивленный взгляд Жан пояснил:

– Я поеду с вами в карете, это несколько неудобно, но для вас безопаснее.

Мне осталось только кивнуть, вечерняя тоска к утру не прошла, но немного отдалилась. Выезжали затемно, чай и булочки Сара принесла прямо в спальню, и там же стояла корзинка с мелочами для кареты, в нее уложили гребни, щетку для волос, запасные шпильки, носовые платки и белые тряпочки, аккуратно проутюженные.

– Что это? – сонно ткнула я пальцем.

Сара неожиданно покраснела и, замявшись, сказала:

– Миледи, это... ну, для женских дней! Мистрис Марта велела приготовить, сказала, что у вас уже должны быть.

Оппа! Я присела на скамеечку, оббитую гобеленом, и попыталась совместить в голове отутюженные прямоугольники и привычные мне прокладки из пачки, совмещалось плохо. А как их приклеивать к белью? Здешние смешные панталоны на веревочках сползают, а где непромокаемый слой? Задумалась я крепко и на крыльцо выползла рассеянная, вот и не заметила сразу ледяной глазури, спасибо Жану – поймал!

Карета оказалась гораздо больше той, в которой мы ездили на ярмарку. Внутри были и уже привычные диванчики, но шире, пол устилал ковер, рядом лежали свернутые меховые одеяла для ног и грелки с горячими углями, сквозь мелкие дырочки вился легкий дымок.

Жан усадил меня по ходу движения, закутал ноги в мех и подложил рядом грелку. Сара села напротив, спрятав под диванчик две корзинки: одну с дорожными мелочами, другую с провизией. Жан сел рядом со мной:

– Мы жених и невеста, а потому можем ехать в одной карете в присутствии дуэньи. Марта нужна в поместье, но на время пути подойдет и Сара.

– Хорошо, – говорить не хотелось, и я прикрыла глаза, надеясь подремать.

Дорога была неровной, карета подскакивала всем своим немалым весом, и устроиться удобно не получалось. Наконец, Жан сжалился – выудив откуда-то небольшую вышитую подушечку, он пристроил ее на плечо и предложил мне прилечь. Это тоже было не слишком удобно, но все же я задремала и проснулась только тогда, когда карета остановилась.

Оказалось, что я сплю, уложив голову на колени Жана. Улыбнувшись, виконт помог мне встать:

– Сейчас будет небольшая остановка, пока перепрягают лошадей, есть время размять ноги и выпить горячего грога.

– Хорошо.

Тело затекло от неудобной позы, и из кареты меня пришлось выводить под руку. Сара, не менее измученная, чем я, довела меня до небольшой комнатки с

большим умывальником, туалетным столиком и кушеткой. Пахло тут не розами. Умывшись чуть теплой водой, я глянула в зеркало: волосы растрепались, выбившись из-под шапочки, и пришлось сразу же причесаться, потом Жан постучал, позвал к столу.

На столе стоял кувшин с чем-то горячим и сладким, блюдо пирогов и порезанное крупными ломтями копченое мясо. Граф внимательно наблюдал, как Жан подвел меня к столу и налил в прихваченный из поместья серебряный бокал напиток из кувшина. Отпив немного горячего, я почувствовала себя лучше, и тут проснулся аппетит: первый пирожок с непонятной начинкой осел в желудке приятной тяжестью, я потянулась за мясом, но тут услышала слова графа:

- Следующий перегон поедет через пустошь; Жан, у тебя все под рукой?

- Да, отец, не сомневайтесь.

Мясо встало в горле: так они ждут нападения? Впрочем, разговор тотчас прервали и, допив то, что оставалось в кубках, вышли из трактира. Глубокого снега еще не было, но здание казалось приземистым, с крыши торчала солома, лошадей уже перепрягли, и на козлов сел сменный кучер, а прежний торопливо глотал из кружки что-то исходящее паром в холодном воздухе:

- Сара, - прошептала я горничной, - там пироги остались и мясо, вернись, отдай кучерам: они поесть не успели, и себе парочку отложи.

Она убежала довольная: ей за одним столом со мной есть не полагалось, но и отойти, оставить с мужчинами одну тоже было нельзя. Пока Жан усаживал меня в карету, горничная вернулась с узелком - и запасливая девушка оказалась! Даже кувшин с медовым напитком прихватила, так что следующий час мы ехали весело, а потом мне захотелось петь.

Глава 10

Дракон

Отец прилетел поздно ночью, я успел поужинать в компании любезного секретаря и задремать на диване, когда услышал глухой толчок на крыше башни. Через полчаса почти бесшумно открылась дверь, и вошел отец: в роскошном камзоле, расшитом бриллиантами, и с короткой парадной шпагой – похоже, был на приеме во дворце.

– Доброй ночи, отец!

– Доброй ночи, Ролленквист! Нечасто ты балуешь меня своими визитами, что случилось? – отец устало опустил в кресло и налил себе вина в позабытый мной кубок.

– Дед приезжал.

– А, жив еще, старый интриган!

– Дед расспрашивал меня о подарке виконта Диола, вот я и заглянул к тебе узнать столичные новости.

Отец задумчиво покрутил в руках бокал, любуясь рубиновыми бликами, и покачал головой:

– Не могу сказать, что именно заинтересовало деда, но граф Диол посетил бал невест – видимо, ищет себе супругу?

– Сомневаюсь. Я знаком с графом и не верю, что он польстился на приданое дочери Чизьеров, скорее, они вцепились в его репутацию и титул.

Отец приподнял брови, отметив что-то себе, и продолжил:

– Пожалуй, ты прав, первая супруга графа была очень знатного рода, красива и добра, а юная леди Чизьер пока никак себя не проявила.

– Вот-вот, – я уже проснулся и вскочил, – больше похоже на шантаж, но чем могут угрожать графу?

– Хм, – отец отпил несколько глотков, – граф состоятелен, знатен, не игрок, его единственная слабость – сын.

– Чем в данной ситуации может помочь мой выбор подарка?

– Сегодня на приеме графа не было в столице, но ее величество получила от него депешу прямо во время бала. Сначала она была недовольна, но потом такие же послания с печатью фамильных цветов графа получили еще несколько человек.

Отец прикрыл глаза и сосредоточился:

– Итак, письма получили: дюк Варин, граф Ситил, виконт Флабер и еще... Получается, весь малый совет, в обязанности которого входят тяжбы, связанные с наследством и браками благородных жителей королевства.

– То есть граф уведомил о чем-то малый совет и ее величество, и, судя по срочности доставки, это было что-то важное, но не отставка: о ней принято сообщать лично.

Поломав головы, мы все же отправились спать: отец – в свою личную спальню, а я остался в уже облюбованной комнате; до рассвета оставалось часа два.

Виконт

После остановки ехали весело, разговаривали, леди Марина даже немного спела, а потом заплакала. Движения женской души для меня загадка, но я вдруг заметил, как сжалась в углу горничная, а леди, утерев слезы, обняла меня, и в ее дыхании я ощутил легкий запах хмельного. Осторожно усадив леди на место, я схватил кувшин, из которого леди Марина запивала пирог: запах меда и пряностей почти забил запах хлебного вина!

Бросив на сжавшуюся камеристку уничтожающий взгляд, я дернул шнурок звонка, велел кучеру остановиться. Выставив служанку из кареты, я помог выбраться леди Марине, к карете подскакал встревоженный отец:

– Что случилось?

– Служанка добавила в кувшин крепкое вино, леди захмелела.

Отец нахмурил брови и кивнул сопровождающим гвардейцам на служанку:

– Взять в седло и не спускать глаз.

– Отец, леди нужно пройтись по свежему воздуху, но боюсь, поблизости может быть засада.

– Садитесь верхом, заводные есть.

– Леди плохо держится в седле, позвольте, я возьму ее с собой.

– Хорошо, но не забудь про оружие.

Через пару минут нам подвели заводного коня в гвардейской сбруе, я сел в седло и принял из рук гвардейца смеющуюся сквозь слезы леди Марину – возможно, в кувшине было не только вино?

По приказу отца охрана окружила пустую карету, а мы неспешно следовали позади в сопровождении всего двух гвардейцев. Уже смеркалось, осенью темнеет рано, ритмичный ход коня убаюкивал, и леди, кажется, задремала. Нервы натянулись в ожидании, и любой шум заставлял вздрагивать и выискивать среди темных стволов опасность.

Так что, когда впереди раздался свист, потом хруст дерева и звон мечей, гвардейцы встrepенулись едва ли не с облегчением, но верные приказу, не высывались. На колени мне хлопнулся свиток: отец приказывал уходить в лес и всеми возможными путями пробираться в столицу. Отдельной строкой он предупреждал, что просить разрешения на брак необходимо только у Ее Величества лично и ни в коем случае не обращаться к лорду Чизьеру и не принимать у себя его жену и дочь. Судя по этим строчкам, письмо он написал заранее, и дела в столице гораздо хуже, чем я думал.

Показав гвардейцам печать графа, я развернул коня в лес. К счастью, снега еще было немного, и ветер гонял его среди деревьев, замечая наши следы.

Ехали долго. Кони устали и уже еле плелись, когда впереди показались редкие огни. Деревня. Вздохнув с облегчением, я направился к самому большому дому – наверняка там живет староста, да и проще богатому хозяйству принять на ночлег четырех путников. Сначала залаяли собаки – огромные, совсем не деревенские шавки, потом раздался недовольный мужской голос:

– Кто там?

– Гвардейцы ее величества! – крикнул я – Нам нужно переночевать, мы заплатим!

Загремело железо засовов и цепей, калитка распахнулась, я уважительно оценил толщину ворот. За калиткой стоял невысокий, но очень плотный мужик с окладистой бородой, в накинутом на плечи полушубке:

– Сколько вас? – прогудел он.

– Трое мужчин и девушка.

– Девушка? Проезжайте!

Калитка оказалась достаточно широкой, чтобы протиснуться, ведя в поводу лошадь, леди Марина еле стояла на ногах. В доме было тепло, даже душно, навстречу нам выбежали сразу три женщины – румяная полнотелая хозяйка и две молодые девушки. Гвардейцы занялись лошадьми, а я внес леди Марину в дом на руках, у нее подгибались ноги, и вообще вела себя она беспокойно.

Нас проводили в горницу и предложили таз с водой и полотенца. Очевидно, леди приняли за мою жену, и я не стал отпираться, так спокойнее. Мне уже не раз приходилось раздевать женщин и не всегда трезвых, но леди Марина как всегда меня удивила: сначала она охотно поворачивалась, помогая развязывать и расшнуровывать накидку, жилет, платье, но потом вдруг застеснялась, стала вырываться из моих рук и вообще попыталась спрятаться.

Кое-как раздев ее до рубашки, я помог ей умыться и лечь в постель. Хорошо бы напоить ее горячим сбитнем, а вот есть сейчас леди не стоило, дурман нужно вывести из организма как можно быстрее, явно в кувшине было не только вино:

слишком огромные и черные зрачки настороженно следят за мной с побледневшего личика.

Выйдя к хозяйке дома, я попросил ее приготовить больше питья, объяснив, что моя супруга съела несвежий пирог в трактире. Гвардейцы, уже сидящие за столом в распахнутых мундирах, даже виду не подали, что удивлены, продолжая уминать холодец и крутую ячменную кашу. Добрая женщина быстро наболтала в вареной воде моченых ягод, и я вернулся в комнату. Леди лежала тихо.

– Леди Марина, я принес вам питье, здесь в углу есть таз – если вам станет дурно, можете воспользоваться; я вернусь примерно через час.

Я вышел и поужинал вместе с гвардейцами. Хозяин оказался местным кузнецом; лениво обсудив дорогу в столицу и цены на оружие, мы собрались спать. Гвардейцам хозяйка постелила тут же в большой и теплой кухне, а меня проводила к 'жене', поинтересовавшись: не надо ли еще чего-нибудь?

Поблагодарив заботливую хозяйку, я лег рядом с леди Мариной, сняв только камзол и сапоги, закрыл глаза и крепко уснул. А проснулся от того, что меня кто-то жарко целовал. За ночь изба остыла, и я прижался к леди в поисках тепла. Она, не просыпаясь, целовала меня, гладила мое лицо, шею, шептала что-то горячечным шепотом и, обволакивая своей нежностью, тянула к себе, в сладкую истому объятий.

Проснулся я утром, солнце било в глаза из маленького окошечка, затянутого пузырем. Во всем теле царила легкость, кровь бурлила в жилах; оглянувшись, я замер: леди лежала, сжавшись в комочек, так что ее не было видно под одеялом, на простыне расплывалось пятно. Вздвогнув, я вспомнил жаркие поцелуи и потянулся к леди Марине и тут же отдернул руку: она горела! Сдернув одеяло, я онемел: пунцовое лицо, закрытые глаза, частое неглубокое дыхание, все говорило о серьезной лихорадке! Везти леди дальше нет никакой возможности! Что делать?

Первым делом, сделав леди компресс из свежего полотенца и воды для умывания, я, умывшись и одевшись, вышел к столу. Гвардейцы уже поели и сидели, лениво попивая чай в ожидании меня.

– Господа, – обратился я к ним, – леди заболела, везти ее дальше нет возможности. Почтенный, – спросил я кузнеца, – нет ли в вашей деревне лекаря либо травницы?

– Есть, – вздохнул он, – жена моя травами лечит.

Кузнечиха вышла из-за печи и улыбнулась, пряча руки под передник.

– Помогите моей супруге, прошу вас, вчера она чувствовала себя хорошо, но у нас был нелегкий путь.

Женщина кивнула и вместе со мной прошла к леди. Увидев пятна на простыне, ничего не сказала, ощупала лоб, руки, заглянула в глаза и сказала:

– Ничего страшного, милорд, это неопасная лихорадка, простуда и отравление ослабили организм, дня три – и леди будет свежа, как цветок.

– Хорошо, делайте, что считаете нужным, я все оплачу.

Кузнечиха позвала старшую дочь и велела ей заварить травы и принести чистую рубашку для больной, а я вышел во двор. Хотелось ударить кулаком по ровным бревнам избы, пнуть кипу соломы, просто крикнуть в серое небо:

– Я не хотел!

Всегда считал себя благородным и честным, не заводил интрижек с невинными девушками, не похищал чужих жен, не предавал доверия и не нарушал клятв, а теперь я похитил самое дорогое у девушки, которая доверилась мне! Все еще злясь на самого себя, я вдруг подумал:

– Зато теперь она никуда не денется! Она станет моей женой, мы вернемся в поместье и будем жить, забыв о других мирах и дворцовых интригах! Я буду заботиться о ней и вечно благодарить небеса за то, что они подарили мне такое сокровище!

Марина

Кипяток с медом оказался вкусным, и я с удовольствием запивала им пирожок, а потом стало весело, а Жан показался таким красивым! А потом опять грустно, странно как-то, а уж когда Жан заговорил, голос звучал тревожно. И граф, подъехавший совсем близко, отдавал приказы таким резким голосом, что я невольно морщилась. А потом меня усадили в седло впереди виконта, и мы свернули в лес. Там было то холодно, то жарко, Жан-Валер обнимал меня, а мне хотелось то вырваться и убежать, то прижаться крепче.

К тому моменту, как вокруг стемнело, я уже почти спала, но вот спуск на твердую землю оказался на диво неприятным – голова кружилась, в глазах мелькали черные точки, и ужасно хотелось пить.

Переговоры Жана с хозяином большой деревянной избы пролетели над головой, очнулась уже в доме – душно, жарко, а руки Жана быстро стягивают одежду. Сначала было здорово – дышать стало легче, и вообще дурнота отступила, но потом я поняла, что он меня вот-вот разденет – совсем, и я принялась отбирать свои вещи назад. Но дойдя до длинной нижней сорочки, виконт успокоился, помог умыться и уложил в постель, а потом еще и компотика попить принес. Правда, рвало меня с этого компотика, как после несвежего салата, но виконта в комнатке уже не было, и я, спокойно закончив свои дела и умывшись, забралась в кровать.

А ночью меня настиг жар, странный такой, словно по всему телу бегали мурашки, пощипывали, кололи, собирались в самых неожиданных местах и там разжигали пламя. Облегчение принес Жан, положивший на меня руку, рука была прохладная, тяжелая, и я прижалась к ней, потом защипало руки, и я, спасаясь от жара, прикоснулась к лицу Жана. Он проснулся и с изумлением моргал; руки вновь пыхнули, и я провела кончиком пальца по длинным черным ресницам, стало еще жарче, дыхание сбилось, и, спасаясь, я прижалась к его губам и тут же ощутила, как он прижимает меня к себе. Его руки мяли и тискали, мурашки разбегались толпами, а губы гасили жар на губах, на шее, касались глаз и щек, воздуха не хватало, но тут Жан, протяжно застонав, стиснул меня в объятиях и обмяк.

Я полежала немного, потом погладила его плечо – не шевелится, странно, – развернулась в его объятиях, заглянула в лицо – спит. Странно, но тут и меня догнала усталость, занял живот, и, устроившись поудобнее, я уснула.

Проснулась и удивилась: сумерки, мерцает лампадка, а рядом сидит румяная женщина в белом платочке:

– Проснулись, Ваша Светлость? Как себя чувствуете?

Я прислушалась, ой, живот как болит! Поморщилась, а женщина торопливо заговорила:

– Осторожно, осторожно, не пугайтесь, простыли вы да на лошади растрясло, я вам тут горшок под кровать поставила и салфеток свежих приготовила, и водичка теплая, чтобы умыться, есть, в баню вам пока нельзя.

Добрая женщина помогла встать, убедилась, что я не упаду, если крепко вцеплюсь в большую деревянную кровать, и даже выдвинула мне из-под кровати горшок с крышкой из темной глины. Обнаружив на себе странную конструкцию из полос ткани, я не сразу сообразила, что это; оказалось, хм, некое подобие трусиков для удержания необходимых тряпочек. Хорошо, что Сара объяснила мне, что это и для чего, но не сказала, куда девать использованные!

Умывшись и сделав все необходимое, я так устала и вспотела, что пришлось присесть в простое деревянное кресло, сработанное просто, без украшений и даже без подушек, сидеть было неудобно, но и до кровати я сейчас не дойду. В дверь тихонько постучали – явилась та же самая женщина, все убрала, сменила воду в тазу и перестелила постель. Ой, какие пятна! Полное ощущение, что кого-то зарезали! Я расстроилась, дома получалось быть аккуратнее: живот начинал ныть заранее, и благодаря маме запас необходимых средств был под рукой. Но женщина, кажется, не сильно огорчилась, говорила что-то о заботливом муже, о хорошем лекарстве и наконец, напоив меня морсом и переодев в сухую рубашку, уложила обратно в кровать. Едва она вышла с ворохом белья в руках, как в комнату вошел Жан, взволнованный и решительный:

– Леди Марина! – объявил он. – Я прошу у вас прощения за свое недостойное поведение и обещаю, что едва мы встретим священника, как тут же заключим брак!

Я оторопела:

– Жан, что случилось? – голос был слабым, но я попыталась встать, чтобы он лучше меня слышал. – Ведь мы объявили о свадьбе только для того, чтобы найти мага!

– Леди, мне нет прощения, но я готов искупить свою вину! – Жан подошел ближе и опустился на низкую скамеечку у кровати и взял меня за руку. – Мы должны поспешить с церемонией, вы... Вы можете быть беременны!

– Что? – я ошеломленно молчала, а Жан продолжал говорить о своем не достоинстве и моем великом страдании. К несчастью, живот опять скрутило тянущей болью, и я поморщилась, Жан испугался еще больше; едва не начав рвать на себе волосы и коснувшись губами кончиков моих пальцев, вышел, пообещав меня больше не тревожить. А я задумалась: с каких это пор девушки беременеют от поцелуев?

Глава 11

Граф

Нападение случилось там, где я ожидал, место известное. Гвардейцы сработали четко, отвлекая внимание, и Жан с девушкой скрылся в лесу. Оставался шанс, что это нападение организовала леди Чизьер, а потому разбойникам нужен только я. К сожалению предположение было ошибочным: ватага разделилась, и часть оборванцев с дедовскими мечами в руках попыталась догнать скрывшихся в лесу гвардейцев и виконта с девушкой.

Пришлось рисковать: десятники подали сигнал заманить противника, и храбрейшие воины королевства принялись вяло отбиваться, изображая тупых охранников караванов.

Разбойники клюнули: часть ватаги вернулась, и я тут же подал гвардейцам знак усилить натиск. Разбойники были на диво хорошо вооружены для этих мест: не только топоры и дедовские мечи, но и арбалеты, короткие охотничьи копья и даже один пистолет, который не смог выстрелить – очевидно, подмок порох.

Бой был коротким; поняв, что эти лапотники мне не особенно нужны, гвардейцы быстро завершили схватку. Увы, главаря шайки захватить не удалось, негодяй кустами подобрался к гвардейцу, в седле которого ехала крепко связанная девчонка-камеристка, и попытался пырнуть ее длинным, в локоть длиной кинжалом. Гвардеец, связанный необходимостью удержать девчонку от падения, рубанул насмерть, развалив тело почти пополам, поэтому остальные, вопя от ужаса, быстро сдались в плен, обещая рассказать все, что мне будет угодно.

Увы, ничего нового сообщить они не могли: наняли, заплатили и даже оружием добрым снабдили, но кто нанимал – знал только главарь. Связав мужиков в длинную цепь, мы прогнали их до ближайшего городка, в котором были бургомистр и мировой судья; как раз стемнело, и мужики только рады были угодить после зимнего леса в тепло подвала, а мне пришлось устроиться на ночлег в трактире.

Виконт

В доме кузнеца пришлось задержаться на четыре дня: леди Марина болела, и кузнечиха ее опекала, как родную дочь. Чтобы леди не скучала, добрая женщина принесла рукоделие, но леди к нему не прикоснулась – сказала, что ей не нравится вышивать. Книг в доме не нашлось, а все, что мы брали в дорогу, осталось в карете, пришлось развлекать больную беседами и посиделками с дочками кузнеца. Со мной леди держалась ровно, иногда улыбалась и все время порывалась поговорить, но я малодушно не входил к ней без хозяйки дома.

В первый же день я отправил отцу вестника – описав причины задержки, я просил его ускорить бракосочетание, не уточняя подробностей; отец ответил, что все подготовит к нашему приезду, и даже спросил, не нужна ли карета и сопровождение.

Подумав, я согласился на карету, назначив встречу сразу на трех королевских трактах, ведущих к столице. Такая предусмотрительность казалась не лишней, в столице многие хотели бы увидеть провал или позор моего отца, так как он сурово стоял на страже интересов короны и немало казнокрадов и мздоимцев вывел на чистую воду.

Гвардейцы тоже не скучали – по утрам отрабатывали бои со всевозможным оружием, имеющимся в кузне, потом помогали хозяину балансировать клинки и точить лезвия, а после ужина шли полюбоваться на деревенские посиделки и порой появлялись в доме уже за полночь.

Избегать уединения становилось все сложнее, тем более что спать мы продолжали в одной постели. Под предлогом болезни супруги я выпросил у доброй женщины еще одно одеяло и плотно заворачивался в него, ожидая, когда леди уснет. Иногда она засыпала первой и прижималась во сне к моей спине, иногда первым сдавался я, но каждое утро леди Марина просыпалась в моих объятиях, и мне ничего не удавалось с этим поделать.

К счастью, леди скоро оправилась, и мы тронулись в столицу, щедро вознаградив кузнеца и его семью. В обед выбрались на королевский тракт и встретились с каретой, посланной отцом.

Устроив леди Марину с максимальным комфортом, я вздохнул с облегчением, ехать оставалось недолго.

Марина

Виконт меня избегает, я стесняюсь ему объяснить, что он все понял неправильно, но прежде чем соберусь с духом, он исчезает. Болеть было скучно, дни тянулись, но ночи пролетали. Жан приходил поздно, когда дом затихал, и тихо-тихо ложился с краю. Иногда он думал, что я сплю, и бережно обнимал, а озябнув к утру, мы так переплетались, что, проснувшись, приходилось лежать не дыша, пока Жан, распутавшись, не уходил.

Но вот настал день отъезда, с утра меня накормили горячим куриным супом, напоили противным вяжущим отваром и закутали в кучу шалей, платков и юбок. Жан сел в седло, и ему меня подали, как кулек.

Ехали недолго, но, наверное, я задремала, а когда проснулась – увидела карету и уже через несколько минут сидела внутри на мягком диване.

А потом карету накрыла тень. Кони заржали, забились, и кучер закричал на них, карету тряхнуло, и впереди раздался уверенный мужской голос:

– Добрый день, Жан-Валер.

Я осторожно выглянула из окна кареты – на дороге стоял высокий и крепкий мужчина в кожаной одежде. Станный – мне показалось, что вокруг него колышется тонкое марево, как горячий воздух над асфальтом.

– И тебе доброго дня, Ролен; я думал, мы встретимся в столице, письмо тебе оставил.

– Да я тут мимо пролетал и узнал герб графа, вот и решил взглянуть.

Мужчина очень по-мальчишески улыбнулся и взъерошил коротко выстриженные пряди на затылке, странная у него прическа – на плечи спускаются длинные пряди светлых волос, едва ли не до пояса, а на макушке волосы темные и короткие, торчат гребнем – забавно.

Валер, продолжая говорить, подошел к карете и представил меня незнакомцу:

– Господин Ролленквист, позвольте вам представить леди Марину, мою невесту.

– Невесту? – похоже, незнакомец был изрядно удивлен, но тут же справился с собой и склонился к моей руке.

Ощущение теплых губ на моей коже было непривычно, но вполне терпимо.

– Простите, леди, кажется, я совсем отошел от жизни и еще не слышал о столь важном событии, – теплый взгляд незнакомца заставил меня смутиться, а мужчина уже развернулся к Валеру: – Поздравляю, друг!

Незнакомец хлопнул Жана-Валера по плечу, но виконт устоял и, смеясь, сказал:

– Об этом еще никто не знает, кроме отца. Мы направляемся в столицу, чтобы заказать свадебные наряды и приданое.

Валер очень оживился, смеялся и шутил, словно сбросил с себя груз, который давил его эти дни; я смотрела на него, едва ли не открыв рот.

– Что ж, друг, если ты не будешь возражать, я хотел бы поехать с вами в столицу и помочь, чем смогу, – неторопливо сказал мужчина, оглядывая наше сопровождение.

– Спасибо, Ролен! С радостью принимаю твое предложение, я беспокоюсь за здоровье леди Марины, четыре дня назад на нас напали.

Незнакомец усмехнулся, шагнул к лошадям и уточнил:

– Ты позволишь мне ехать с леди или уступишь своего коня?

Мне показалось, что в его голосе звучала подначка. Жан-Валер ответил в тон-добродушно и с юмором:

– Как пожелаешь. Своей невесте я доверяю, как и тебе.

Улыбнувшись еще шире, Ролен перехватил повод:

– Тогда развлекай леди сам, я несколько неудобно одет.

Мне его одежда показалась, напротив, очень удобной: кожаные штаны и куртка, мягкие, расшитые бусинами и чем-то еще, не стесняли движений и выглядели чистыми, но в данном случае я сама предпочла бы поговорить с Валером.

Виконт, так же усмехнувшись, кивнул и, отдав повод, забрался в карету; кучер прикрикнул на лошадей, и мы поехали. Некоторое время ехали молча, а потом Валер заговорил:

– Леди Марина, мой друг Ролленквист и есть тот самый дракон, о котором я вам говорил; думаю, вечером можно будет расспросить его о магических переходах.

Я лишь кивнула, собираясь с силами, а потом заговорила, сама не знаю, как решилась, но я спокойно, почти не заикаясь, рассказала Жану, как мы провели ночь:

– Скорее всего, вы очень устали и не помните, что произошло, но уверяю вас, мы только поцеловались – и все.

Жан помолчал, а потом, взяв мою руку в свои горячие ладони, сказал:

– Леди, я рад, что не переступил границ чести, но я все равно смиренно умоляю вас стать моей женой.

Мне вдруг стало жарко: вот так? Настоящая свадьба? Белое платье и гости? А как же мама и папа, наш двор, заросший тополями, и запахи машинного масла и бумаги от старых книг в доме? Словно ощутив мои колебания, Валер коснулся запястья обжигающим поцелуем:

– Не нужно бояться, леди, я не обижу вас ничем, а мой дом будет вашим домом, – еще раз коснувшись губами запястья, он вдруг жарко прошептал: – Мои сны уже принадлежат вам без остатка.

Тут я покраснела и забилась в угол кареты, нужно было подумать.

Глава 12

Виконт

Сделав вид, что задремал, я осторожно посматривал на леди Марину из-под ресниц, ее лицо меняло выражения и краски, иногда она потирала запястье, словно стирая что-то, а иногда вдруг пунцовела и начинала тяжело дышать.

Любуясь ею, я вдруг подумал, что она будет сопротивляться браку, надеясь вернуться в свой мир. Значит после разговора с Роленом и визита к магу мне нужно – да, не очень красиво, но я не видел иного выхода – мне нужно осторожно убедить леди, что наша поездка уже достаточная причина для спешного брака.

Вздыхнув, леди повозилась и, кажется, задремала, что ж, тем лучше. Осторожно сев рядом с нею, я принялся поглаживать кончиками пальцев ее лицо, светлые, но все же темнее волос брови, нежную кожу щек, палец скользнул к губам, чуть бледным после болезни, но таким мягким... Не удержавшись, я прижался к ним и тут же схлопотал пощечину! Справедливо, кажется, кто-то здесь забылся.

Остановив карету, я предложил Ролену поменяться, дракон взглянул мне в лицо и молча спешил; день быстро клонился к закату, и чтобы добраться до столицы сегодня, стоило поспешить.

Марина

До столицы мы не доехали; после того, как виконт поцеловал меня, а я отвесила ему звонкую пощечину, в карету сел дракон. Мне было очень любопытно, но я старалась на него не смотреть. Помолчав, дракон вдруг сказал:

– Не волнуйтесь, леди, я не обижусь, если вы посмотрите на меня.

И я посмотрела. Красивый, большой, но весь такой... гладкий, как полированный камень. И красивый, и яркий, но все равно твердый.

Он тоже рассматривал меня, а потом сказал:

– Вижу, моему другу очень повезло.

Я лишь плечами пожала, может, и повезло, а может, и нет. Объяснять этому господину наш с Жаном договор я не собираюсь, да и вообще говорить не слишком хочется. Неожиданно захотелось спать, и я, борясь со сном, успела лишь увидеть, как потемнело за окном.

Проснулась в пещере, кажется. Мне тепло, но щеки пощипывает холод. Вдруг пучок длинных волос пощекотал нос, я чихнула и зашевелилась. Оказалось, что я, закутанная в медвежью полость, лежу в карете на потолке! Вздогнув, ощупала руки и ноги – все на месте, только с длинного черного меха сыплются осколки, а за окном темень. Стараясь двигаться осторожно, путаясь в юбках, я выбралась из кареты на дорогу. Темно, лишь луна подсвечивает припорошенную снегом колею. Вокруг кареты обломки оружия, пятна крови, но тел нет;

лошадей, впрочем, тоже, поводья обрублены. Поежившись, я плотнее закуталась в плащ и потопала по следу. В столицу, может, и не доберусь, а до жилья дойти нужно, ночь в карете может стать последней.

Шла я долго, сначала шаги получались вялыми, пошатывало, потом кровь быстрее побежала по жилам, и я двинулась быстрее, мурлыча под нос:

- Хорошо живет на свете Винни-Пух!

Вскоре кровь из следов пропала, а следы подков начал заметать ветер, я заволновалась, дымом не пахло, и укрыться у дороги было негде: облетевшие кусты стояли метрах в тридцати от тракта.

Тут я увидела на дороге ленту, обычную черную ленту с прошитым серебром краем – пустячок, но такой именно лентой были стянуты волосы виконта сегодня утром. Покрутив головой, я заглянула в затянутую ледком канаву и заметила кожаную перчатку – точно такую, какие носил встретившийся нам на дороге дракон. Других следов не было, и я едва не заплакала от бессилия. Тут ветер донес до меня отдаленное конское ржание, и я опять заметалась: кто там? Враги? Друзья? Из леса, прихрамывая, выбрался конь, его вел в поводу высоченный мужчина в кожаной одежде, а с седла свисал Жан!

Я, вскрикнув, побежала к ним и поразилась виду дракона: прежде излучающий силу мужчина выглядел своей бледной тенью!

- Что с вами? – теряя слова из-за сбившегося дыхания выпалила я.

- Леди, вы здесь? А я шел за вами, Жан очень просил, – как-то отстраненно сказал дракон. При этом он не останавливался, шел вперед словно сомнамбула.

- Что с ним? – я постаралась заглянуть Валеру в лицо.

- Ранен. А у меня магическое истощение, я сейчас и ложку не подниму.

- Здесь есть деревня? Жилье? Нам все еще угрожают?

Дракон мельком взглянул на меня и, не останавливаясь, пошел к дороге – может, и правильно: если упадет, я его точно не подниму.

– Жилье есть, дальше по дороге таверна и при ней небольшая деревушка, кошель у меня на поясе. Я постараюсь дойти сам.

Кратко, емко и по-мужски, но мне пока достаточно. Я шла, держа Жана за ледяную руку и до рези в глазах вглядывалась в горизонт. Ролен все больше напоминал шагающего робота: шаг, другой, третий, я сама увлеклась процессом ходьбы и очнулась только на оклик:

– Люди добрые, чего случилось-то?

У колодца стояла плотно закутанная в шаль поверх полушубка невысокая женщина с полными ведрами на коромысле.

– Доброго вечера, хозяйюшка, – просипела я, – не подскажете, трактир тут у вас есть?

– Трактир есть, – кивнула женщина, плеснув на валенки ледяной водицей, – она там!

Поблагодарив, мы пошли в указанном направлении и вскоре обнаружили искомое: ладный просторный дом из темных тесаных бревен с простой калиточкой, ведущей прямо к двери. Все службы и постройки прятались за домом, словно дети за юбкой матери, только чуть торчали соломенные крыши да выглядывали любопытные печные трубы.

Услышав скрип калитки, из дверей вышел парень в длинном буром кафтане и спросил:

– Только поесть или ночевать будете?

– Ночевать. Коня в стойло да пусть конюх посмотрит, – просипел дракон, – а пока помощи нам в комнату друга занести.

Серебряная монетка упала в подставленную ладонь, и парень тотчас развил бурную деятельность – помог снять с седла Жана и вместе с драконом затащил его в дом, я шла следом.

В натопленной комнате народу было много, но большинство, очевидно, были местные крестьяне, зашедшие пропустить кружку пива. Они все повернулись и внимательно смотрели, как мы идем в глубину дома.

Дракон

Леди Марина милая молодая девушка, слишком слабая и хрупкая на драконий вкус. Впрочем, глаза у нее красивые, а кожа белая и нежная. Если у нее доброе сердце – я порадуюсь за друга. Однако мы не успели обменяться и парой слов, как ощутил волну ледяных мурашек, пронизавших карету. Бросив в леди на всякий случай сонное заклинание, я начал плести защитную сеть, Жан-Валер не должен потерять свою невесту.

На горизонте показалось черное, стремительно приближающееся облако, и я вздрогнул: черные рыцари!

Наверное, я сказал это вслух, потому что тотчас услышал шорох клинков, вынимаемых из ножен.

– Стойте! Клинки убрать! Рыцари бесплотны, пока их не боятся!

Гвардейцы недоверчиво закрутили головами, но Жан подтвердил мой приказ и сам убрал оружие.

Мы ждали темных призраков, ощущая накатывающую волну ужаса, страха и боли, которую они источали. Я рассматривал надменные лица, не прикрытые забралами, и вспоминал легенду, которая рассказывала о появлении этих порождений загробных полей.

В древние времена один из правителей выкрасил все доспехи своих рыцарей в черный цвет, чтобы внушать страх побежденным. Он был жесток, и его рыцари не уступали ему в бесчинствах, а немногие выжившие навсегда запоминали черные доспехи и тряслись от страха при одном взгляде на черный панцирь.

Молва разнесла этот страх по округе: деревни и даже города сдавались, едва завидев отряд черных рыцарей на горизонте, надеясь, что правитель пощадит хотя бы детей и женщин. И слава, перемешанная со страхом, катилась по миру, принося черным рыцарям щедрые плоды: золото, власть, дорогое оружие и быстрых коней.

Однако недолго веселились тот правитель и его воины. Однажды по пути к большому торговому городу рыцари разгромили маленькую деревушку, стоящую у болот. Смеясь, топтали конями испуганных людей, бегущих в ночь, кидали факелы на тростниковые крыши и ловили на копья собак и детей.

Обычное дело на путях войны, пыль и пепел поутру развеял ветер, и память о жителях деревни исчезла бы очень быстро, да жила в этой деревушке колдунья. Сама она была очень слаба, скорее травница да ворожея, и черные рыцари быстро сломали ее слабые щиты, а потом изрубили ведьму в куски.

Но был у старухи внук: мальчишка лет пяти, он в той бойне уцелел, под амбаром прятался; прошло время, мальчишка вырос, скопил сил и в ночь инициации проклял черных рыцарей!

Нет ничего сильнее детских страхов! С той поры и сам правитель, и его рыцари носились по дорогам черными невесомыми тенями, обретая плоть лишь там, где было много страха.

Первые записи в старинных книгах служили предупреждением потомкам и часто рассказывали об ужасах подземелий или лесов, но легенда о черных рыцарях считалась самой ужасной, потому что воинов в черном облаке встречали до сих пор.

Сражаться с ними было практически невозможно, их плоть давно истлела, а эфирные тела были не по зубам обычному оружию.

Не смотря на все ужасы не-жизни, рыцари хотели сохранить хотя бы такое подобие существования, и потому накатывали волной ужаса, пугая людей на своем пути и тем продлевая свое существование.

Однако при дневном свете черное облако страха почти незаметно, поэтому обозы спокойно ходят по дорогам днем и отсиживаются за крепкими стенами ночью, а уж если застанет ночь в поле – сидят до света все вместе да песни поют или добрые сказки сказывают.

Для драконов эти рыцари опасны тем, что вытягивают магическую силу, а на людей могут наслать безумие. Здесь так и случилось – чувствуя, как тонкой струйкой потянулся мой дар к рыцарям, я застонал, стиснув зубы, а Жан заслонил меня, шепча заклинание 'щита'; не знал, что у Жана есть силы. Потом не выдержали гвардейцы и схватились между собой, кучер с визгом убежал вперед по дороге, роняя капли крови из носа и ушей. Рыцари, видимо, были голодными, так как он прошел сквозь них.

– Это наш шанс! – шепнул Жан. – Нужно просто пробежать сквозь них, а лучше проехать верхом, щит я удержу.

Докричаться до гвардейцев, ушедших в свой страх, мы не смогли, спящей леди ничего не угрожало, и мы, взявшись за руки, помчались навстречу рыцарям. Жан непрерывно выкрикивал заклинания, а я рычал, чувствуя, как уходят силы.

Вдруг над головой засвистели стрелы – рыцари заморочили гвардейцев, и те начали охоту на нас.

Глава 13

Виконт

В голове билась единственная мысль: увести гвардейцев подальше от кареты. Кучер уже нырнул в придорожную канаву и лежал там неподвижно – если не сломал шею, к утру придет в себя.

Ролен хрипел – драконы для рыцарей лакомая добыча, – а я, отгоняя страхи, кастовал щит за щитом. Вжикнувшая стрела запуталась в волосах, я отбросил ее в сторону вместе с лентой, и почувствовал, что теряю сознание. Ролленквист, скинув перчатку, отвесил мне пощечину, в голове прояснилось. Храпящие кони

неслись, не разбирая дороги, и вскоре я полетел кубарем на землю, подумав, что смерть под копытами собственной лошади становится для меня традиционной.

Граф

На сердце было беспокойно. Кареты были отправлены по дорогам четыре дня назад, а вестей все не было. Сын вырос, но отец остается отцом. Вдруг слуга доложил о прибытии гостя, положив на поднос вместо карточки небольшую бронзовую чешуйку. Неужели старый лис решил лично убедиться в том, что мой сын исполнит обещание?

Велев проводить гостя в кабинет, я быстро просмотрел сообщения от агентов: ничего сверхважного или необычного от драконов, странно.

А гость уже входит, роскошный камзол оранжевого бархата, весь украшенный вышивкой, кружевом и подвесками. Высокий представительный мужчина выглядит точно пестрая птичка в золоченой клетке. А вот лучащиеся довольством глаза оглядывают все внимательно: в столичной резиденции графов Диол дракон еще не бывал.

– Приветствую вас, граф! – воскликнул гость и раскланялся, смешно подпрыгивая и размахивая своей шляпой.

Однако защита сработала великолепно: в воздухе раздался противный звон, и гостя окружило серебристое облако.

– Ай-яй-яй, – я покачал головой, – зачем же так грубо, милорд?

Дракон, ничуть не смутившись, хмыкнул и заявил:

– Должен же я увериться в конфиденциальности нашей беседы?

– Даже так? Оригинально, – я постарался изобразить лицом сомнение.

Дракон усмехнулся и протянул пакет:

– Здесь кое-какая информация о причинах, побудивших леди Чизьер искать вашего расположения. А взамен я прошу вас рассказать немного о вашей первой жене.

Я вскрыл пакет и мельком просмотрел лежащие там свитки и тетради, дракон меня не торопил.

– Что именно вы желаете знать? – поинтересовался я устало, откладывая пакет.

– Кем на самом деле была ваша жена? В архивах семьи нет сведений о беременности графини Саус, указан лишь день рождения вашей супруги и далее все обычным порядком – няньки, пеленки, учителя.

Я походил по кабинету, пряча взор, потом остановился и заговорил:

– Наш брак заключался по любви, но семьи его одобрили. Родовитостью и богатством мы друг другу не уступали. Когда Лиана понесла, ее мать настойчиво просила ее рожать в их поместье, я возражал. И тогда Лиана, испросив, должно быть, разрешения у графини, рассказала мне, что она дочь близкой подруги графини. Подруга умерла родами и просила позаботиться о ребенке, так у графини Саус появилась единственная и любимая дочь.

– А кем была подруга графини Саус?

– Сильфидой.

Дракон выругался так витиевато, что я заслушался, а потом он сказал:

– Молитесь всем богам, граф, чтобы об этом никто не узнал: вашему сыну грозит куда большая опасность, чем вы предполагаете. Что вы знаете о сильфидах?

– Почти ничего. Искал в фамильной библиотеке, но там только легенды о сказочно красивых женщинах, в которых влюблялись смертные, расплачиваясь жизнью или разумом.

– Ерунда! – дракон тоже вскочил и, пройдясь по тонкому ковру из плотной шерсти высокогорных быков, продолжил: – Сильфиды духи воздуха и обитают

езде, где есть чистый воздух. Грязь в их понимании – это не только дым, это грязные слова и мысли, боль и ненависть.

Сильфиды способны очищать и изменять воздух, но только в пределах своих домов. Я разузнал о семье вашей супруги все, что мог. Если вспомните, ваша теща происходила из небольшого, но крепкого баронского рода, я помню ее семью. Трое сыновей и единственная дочь – последыш, любимица отца.

Когда доктора сказали, что девочке для выживания нужен свежий горный или морской воздух, он купил дом на побережье, обустроил и отправил дочь туда. Его заботами деревушка стала модным курортом и принесла хорошую прибыль, но тогда юная баронесса проводила дни в обществе книг и няни. Врачи, опасаясь за ее жизнь, велели ей гулять не менее шести часов в день, и она гуляла, а к двадцати годам неожиданно исцелилась. Ее осматривали лучшие врачи столицы и подтвердили: леди абсолютно здорова! При том, что весила она тогда не более трех пудов, а глаза занимали пол-лица. Через годик, когда она отъелась, наследник графа Саус поставил отца в известность, что женится на ней. Либо уходит в братство молчальников. Думаю, о проклятии рода Саус вам известно.

– Да, – кивнул заинтересованный граф, – любят один раз, и если любимая умирает – сгорают за несколько недель.

– Так вот свадьба состоялась. Граф тогда служил в столице, и юная графиня долгое время не навещала поместье, в котором росла, а потом неожиданно сорвалась туда ночью, во время сильнейшей грозы, а вернулась с ребенком на руках.

– Получается, графиня отдала долг жизни?

– Получается, – кивнул старый дракон, – отдала, как сумела. Девочка не просто росла в доме графа, она считалась его дочерью, ее любили и баловали, а братья до сих пор не разговаривают с вами, вина в ее смерти.

– Это не так, просто я для них живое напоминание о потере, а вот Жана они любят и балуют без меры.

– Недавно король сильфов умер, – продолжил дракон. – Вы, наверное, помните невероятную бурю, прошедшую в горах? Там стоял его замок. У короля была

единственная дочь, которую изгнали из замка за любовь. Принцесса осмелилась полюбить человека, и ее осудили. Но все же она была принцессой, поэтому ее не развеяли, как обычную сильфиду, а просто отправили в тихое уютное местечко на побережье... Продолжать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lyapina_yuliya/drakoniy-podarok

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)